

Казимир Гайярд

**История Средних веков.
Том 2**

Казимир Гайярдэн

История Средних веков. Том 2

«Автор»

2026

Гайярден К.

История Средних веков. Том 2 / К. Гайярден — «Автор», 2026

Второй том «История Средних веков» Казимира Гайярдена (1838) посвящён эпохе Высокого и Позднего Средневековья, примерно с конца XI до конца XIII века. Центральной темой тома являются Крестовые походы. Подробно рассматриваются причины их начала, ход первых трёх походов (включая ключевых фигур — Петра Пустынника, Готфрида Бульонского, Боэмунда Тарентского), создание Иерусалимского королевства, возникновение духовно-рыцарских орденов, а также появление мощных противников крестоносцев — Зенги, Нур ад-Дина и, наконец, Саладина. Анализируются пять последующих походов, включая участие Фридриха II и Людовика IX Святого, вмешательство монголов и, в конечном итоге, результаты всего движения. Параллельно с историей крестовых походов прослеживается политическая история Западной Европы.

© Гайярден К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О книге.	5
ПЕРИОД ТРЕТИЙ – 1073-1294	6
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.	6
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	21
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	52

История Средних веков. Том 2

О книге.

Второй том «История Средних веков» Казимира Гайярдена (1838) посвящён эпохе Высокого и Позднего Средневековья, примерно с конца XI до конца XIII века.

Центральной темой тома являются Крестовые походы. Подробно рассматриваются причины их начала, ход первых трёх походов (включая ключевых фигур – Петра Пустынника, Готфрида Бульонского, Боэмунда Тарентского), создание Иерусалимского королевства, возникновение духовно-рыцарских орденов, а также появление мощных противников крестоносцев – Зенги, Нур ад-Дина и, наконец, Саладина. Анализируются пять последующих походов, включая участие Фридриха II и Людовика IX Святого, вмешательство монголов и, в конечном итоге, результаты всего движения.

Параллельно с историей крестовых походов прослеживается политическая история Западной Европы:

- Папство, Германия и Италия: Завершение борьбы за инвеституру, конфликт между гвельфами и гибеллинами, возвышение городов, противостояние пап (Александра III, Иннокентия IV) с императорами (Фридрихом I Барбароссой, Фридрихом II). Великое междуцарствие в Германии и начало правления Габсбургов (Рудольф I).

- Франция и Англия: Описывается ключевое соперничество двух держав, от Людовика VI Толстого до Филиппа IV Красивого, включая эпоху Плантагенетов (Генрих II, Ричард Львиное Сердце, Иоанн Безземельный) и рост централизованной власти.

- Испания: Освещается внутренняя Реконкиста против альморавидов и альмохадов, роль военных орденов, формирование королевств Кастилии, Арагона (династия Барселоны) и Португалии. Упоминаются ключевые фигуры – Сид Кампеадор, Альфонсо Воитель, Фердинанд III Святой и Хайме I Завоеватель.

- Северная и Восточная Европа: Рассказывается об отражении монгольского нашествия Русью, Польшей и Венгрией, а также о крестовых походах в Прибалтике (в Ливонии и Пруссии), завершаясь обзором истории скандинавских государств.

Таким образом, второй том представляет собой широкую панораму важнейших политических, религиозных и военных процессов зрелого Средневековья, где Крестовые походы выступают главной осью, связывающей историю Запада, Византии и Ближнего Востока.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ – 1073-1294

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Григорий VII.

Потомство легко понимает ныне, каковы были полезные последствия распада Каролингской империи и второго нашествия, как тогда образовались современные государства, как особенно проповедь христианства распространила начала цивилизации среди всех варварских народов. Но современники не могли иметь этой утешительной уверенности; и среди бедствий, которые стяжали печальное бессмертие X веку, среди распрей королей, нашествий иноплемennых народов, феодального насилия, что могли надеяться угнетенные, чего могли они даже желать, если не смерти? Слабый искал защиты у сильного, он думал найти покой в послушании, променял свободу на жизнь; и феодальное общество, постоянно волнуемое и обогренное кровью, не давало никакого покоя в настоящем, не позволяло предвидеть никакого лучшего будущего.

Феодализм раздробил королевскую власть и умножил королей. Каждый феодальный сеньор имел право суда, право войны; во Франции – право чеканить монету; наконец, право собственности на земли своих вассалов. Сюзерен, или сеньор, принимал от своего вассала оммаж и клятву верности. Сеньор восседал, вассал, с непокрытой головой, без пояса, без меча, без посоха, становился на колени и произносил эти слова: «Я становлюсь вашим человеком, отныне и вперед, на жизнь и члены свои». Затем он приносил присягу верности, возлагая правую руку на книгу и говоря: «Слушайте меня, господин мой: я буду верен и предан вам, сохраню вам мою верность за земли, которые, как я объявляю, держу от вас; да поможет мне в том Бог и святые». Вассал целовал книгу, и сеньор вручал ему инвеституру его фьефа, то есть отправлял его во владение, вручая комок дерна, или горсть земли, или скипетр. Сеньор мог требовать от своего вассала несколько обязанностей: прежде всего, военную службу, присутствие в суде всякий раз, когда он туда вызывался; «помощи» (*auxilium*), то есть денежную поддержку в определенных обстоятельствах; обязательство подчиняться судебным решениям сюзерена. Сюзерен созывал для отправления правосудия всех своих вассалов, которые были между собой пэрами, равными; каждый, таким образом, судился, по мнению своих пэров, приговором сюзерена. Если случалось, что вассал провинился, не исполнял всех своих обязанностей, он попадал под случай фелонии (лишения), и мог лишиться своего фьефа по воле сеньора.

Мы сказали выше, как феодализм связывал друг с другом обитателей земли таким образом, что каждый мог иметь сеньора и вассалов, получать от этих последних те обязанности, которые он сам отдавал первому; и чтобы сеньор, после того как осуществлял свою власть над своими вассалами, немедленно призывался ко двору или на войну своего собственного сеньора; вассал, подвергшийся дурному обращению, мог обратиться к сеньору своего сеньора. Так и король, повелевая своими непосредственными вассалами, мог защищать против них самих их вассалов, и эта защита, нисходя таким образом со ступени на ступень до самого скромного феодалария, могла бы сделать порядок возможным в феодальном обществе. Но это общество, созданное насилием, жило только насилием: сила была его единственным действующим законом. Собственность была защищена от ограблений лишь постольку, поскольку имела силу защищаться; приговор сюзерена исполнялся лишь постольку, поскольку имел силу принудить к исполнению. Право войны, принадлежавшее всем, успех был единственным уважаемым приговором, и побежденный был единственным осужденным. Так ничто не защищало собственность слабого от жадности сильного, личную свободу от честолюбия властвовать.

Мы приведем, для примера бедствий, которые претерпела феодальная Европа, борьбу Оттона Нортхеймского против императора Генриха IV. Оттон Нортхеймский, обвиненный одним негодяем в заговоре против жизни короля, отказался от судебного поединка с этим человеком. Саксонские вельможи, питавшие к нему личную неприязнь, будучи спрошены королем, объявили его виновным в оскорблении величества и достойным, если его схватят, смертного приговора. Тотчас друзья короля, каждый по своим силам, пустились преследовать Оттона железом и огнем; большая часть – без преданности королю, без интереса к общественному благу, без личной обиды, которую нужно было бы отомстить, но по ненасытной жадности к грабежам. Узда была распущена или, скорее, разорвана, все вторгаются на его земли, опустошают, грабят, сжигают его мызы и поля, увечат, терзают, зарезают его вассалов, его колонов, которых им представляет судьба, не щадя даже, в стремительности своей ярости, церквей или храмов, которые он воздвиг Богу. Король, с многочисленным войском, является довершить дело, берет два замка, где оставляет гарнизоны, и ведет свою армию на владения герцогини Баварской; он грабит многочисленные селения, украшенные зданиями, разоряет имущество, обращается как с врагами с женщинами и детьми, ибо мужчины попрятались в горы или леса... Наконец герцог Оттон опечалился, тяжесть его несчастий пересилила стойкость его покорности. Тогда, собрав три тысячи человек, обученных воинской дисциплине, он бросается в Тюрингию, сжигает цветущие виллы королевского фиска; и, собрав свою добычу, раздает ее на съедение своим солдатам, которых также увлекла жадность. Скоро к нему прибыли колоны его полей, которым солдаты короля оставили лишь жизнь и нищету; он дает им их долю в добыче, увещевает их принимать с великодушным сердцем удары Божественного правосудия, и, поскольку они не могли носить за него оружие, молить Бога за него. Между тем тюринги, поклявшись не оставлять безнаказанным разграбление своей территории, собираются и нападают на победителя. Но битва была недолгой; опрокинутые при первом столкновении, они бегут в горы и леса. Самый горячий, тот, кто возбуждал их к битве – граф Рутгер – быстрее ветра оставил позади горы и холмы. Около трехсот тюрингцев погибло; Оттон потерял одного или двух человек. Он подал сигнал к отступлению, собрал своих вассалов и отпустил большую часть по домам. Сам же удалился в Саксонию, где жил то грабежами, то имуществом графа Магнуса, спутника его опасностей и самого преданного защитника его невинности.

Стихийные бедствия, которыми отмечен конец X и начало XI века, показались предостережением Божественного гнева и на мгновение приостановили насилие. В 994 году зараза в Лиможе и Аквитании поразила благородных ужасом, и они обязались к миру, чтобы получить прощение с неба. Ужасный голод 1033 года заставил думать, что конец света, срок которого, казалось, миновал, был лишь отсрочен, и несколько соборов в Лиможе, Лионе, Провансе, Аквитании (1031-1034) предписали соблюдение правосудия и мира под страхом отлучения. В 1038 году один епископ объявил, что имеет поручение проповедовать мир на земле. Более многочисленные соборы собирались, народ стекался туда как к спасению. Перечисляли по статьям то, что было запрещено, и обязательства, которые нужно было принять; так была установлена Божья милость (Божий мир); диакон зачитывал ее, сопровождая проклятиями против нарушителей. Божий мир был еще преждевременным; он налагал слишком много обязанностей, чтобы мог быть исполнен. Его преобразовали в Божье перемирие. Уже в 1040 году собор в Сен-Эльне, в Руссильоне, постановил, чтобы на всем протяжении этого графства никто не нападал бы на своего врага с часа нон в субботу до часа примы в понедельник, чтобы воскресенье точно соблюдалось. В 1042 году продолжительность перемирия была расширена. Всякая враждебность должна была приостанавливаться со среды вечера до утра понедельника, и во время больших праздников, Адвента, Великого поста. Было запрещено убивать, ранить крестьян, разрушать насаждения, животных, орудия земледелия; частые собрания епископов должны были следить за исполнением этих правил: учреждались офицеры мира и постоянное ополчение, содержавшееся за счет взноса, который назывался «пацата» или «пезада». В сле-

дующем году (1043) король Германии Генрих III, возвратившись из Венгрии, присутствовал на синоде в Констанце, простил всем своим должникам все долги, принудил к миру и забвению вражды всех князей Швабии и всех, кто помнил какую-либо обиду, и указом установил в этой части своей империи, и во всех других, мир, дотоле неведомый. Но спокойствие длилось недолго. В 1056 году, говорит современник, ставший пилигримом ради Небесного Царствия, я покинул свою родину и постригся в монахи в Кёльне. В то же самое время умерли многие князья из разных стран. Голод поразил многочисленные провинции. Бедность и нищета обладали. Император Генрих, пронзенный до глубины сердца этими бедствиями, изнемог от слабости и поддался смерти.

Церковь, единственная сила, которая на земле могла вводить в свои решения Божественную волю, оказалась, таким образом, бессильной против беспорядка. Причину тому должно искать во внутренних язвах, которыми она сама была разъедаема. Церковь владела в средние века, но она могла владеть только феодальным образом. Земли епископств или аббатств были фьефами, которые следовали закону фьефов; епископ или аббат имел, следовательно, над собой сеньора, по крайней мере короля, который требовал службы своей особе; он имел, в свою очередь, как всякий сеньор – землевладелец, права суверенитета, арьер-вассалов, воинов (*milites*). Таким образом, епископы имели две власти: духовную и светскую; последнюю они получали от светского сеньора, который вручал им инвеституру, как всякому другому феодаларию; духовная власть ускользала от сеньора, который не имел прежде всего права избрания. Ибо Церковь продолжалась посредством избрания, выбор принадлежал капитулам соборов или братским общинам в аббатствах.

Церковь была потревожена в своем владении феодальной анархией. Епископы и аббаты, атакованные и убитые честолюбивыми мирянами, их земли, занятые солдатами победителя; аббаты, замененные воинами, которые делались светскими аббатами и управляли монастырями; вот первое зло: но, по крайней мере, церковные люди протестовали против этих беспорядков и могли надеяться на их исправление. Зрелище было гораздо более прискорбным, когда жадность, проникнув в Церковь, привела за собой древнейшую ересь, ересь Симона-волхва, который хотел купить за деньги власть низводить Святого Духа. При содействии князей, симония некоторое время царствовала над светским имуществом церквей; епископства, аббатства и т.д., особенно в Германии, стали добычей тех, кто мог заплатить за них. Князья, похищая выбор епископов и аббатов, отдавали эти фьефы по своей воле; скандал достиг предела в Германии во второй половине XI века. Мы приведем несколько фактов.

Когда Адальберт и Вернер завладели королем Генрихом IV, разграбление церквей или аббатств стало повседневным скандалом. Они еще немного щадили епископов, из страха более чем из благочестия; но они смело нападали на аббатов: король, говорили они, имеет не меньше власти над аббатами, чем над своими управляющими или людьми своего королевского фиска. Архиепископ Бременский начал с занятия двух аббатств, Лоршского и Корвейского; это была награда за его верность и преданность королю. Но, чтобы предупредить зависть других вельмож, он отдал два аббатства архиепископу Кёльнскому, одно – архиепископу Майнцскому, одно – Оттону, герцогу Баварскому, одно – Рудольфу, герцогу Швабскому. Чтобы установить по своему желанию свою тиранию в монастыре Корвей, он распустил слух, что епископ одного города за Альпами умер, и назначил аббата Корвейского на эту кафедру. Но, пока аббат готовился, люди, пришедшие из Италии, объявили, что якобы умерший был в добром здравии. Начали смеяться над коварством архиепископа, и власть Оттона Баварского сохранила за Корвейским аббатством его честь и достоинство. По крайней мере, Адальберт хотел завладеть монастырем Лорш. Его приспешники явились туда объявить, что, по дарению короля, это место принадлежит архиепископу. Их плохо приняли, еще хуже проводили. Новые посланцы явились, от имени короля, сказать аббату, что он должен отречься и выйти из монастыря. Аббат, предупрежденный до их прибытия, принял их с почетом и отложил на следующий день

момент выслушать их приказания. Ночью, с помощью нескольких верных друзей, он вышел, унося все сокровища монастыря. Посланцы, не найдя более, с кем говорить, возвратились к королю. Однако солдаты аббата разместились на горе, построили форт и ждали архиепископа, чтобы отразить его оружием. Вернер, не менее алчный, получил от короля монастырь Кирхберг. Монахи боролись против него оружием, но особенно постами и частыми молитвами. Симониак потешался над этим. Эти монахи, говорил он, были вялы и прохладны в служении Богу, я их пробудил; вопреки им, я заставил их поститься и ходить босиком.

Аббат Райхенау Мегинвард, сложив с себя свое достоинство, увидел, как аббат Бамберга Роберт, прозванный Монетчиком, захватил его место, не через дверь избрания, а через подземные ходы симонической ереси, после того как отсчитал в королевскую казну тысячу фунтов чистейшего серебра. Этот человек, еще простой монах, приобрел ростовщичеством и постыдными доходами бесконечное состояние, и уже давно, в тревожном нетерпении, вздыхал о смерти епископов и аббатов; но так как те жили слишком долго по его вкусу, устав всегда откладывать предмет своих желаний, он дошел до такого безумия, что, помимо тайных подарков, которыми покупал советников короля и их благосклонность, обещал самому корню сто фунтов золота, если тот захочет изгнать из Фульды аббата Видерада, знаменитого своей святой жизнью, и отдать ему это аббатство. И нет сомнения, что он получил бы его, если бы законы Церкви не были дороже некоторым людям, чем деньги: те воспротивились в лицо королю. Этот лжемонах, я скажу больше в порыве своей скорби, этот ангел Сатаны, преобразившийся в ангела света, так гнусно изменил и развратил монашескую жизнь, что монахи в наше время и в этих краях оцениваются уже не по невинности и чистоте своей жизни, а по количеству их богатств, и что, чтобы избрать аббата, ищут не того, кто достойнее, а того, кто может заплатить дороже. Через него вошло в церковь этот обычай, что аббатства публично выставляются на продажу во дворце; и, как бы высоко ни назначали цену, находится покупатель; ибо монахи, с алчным сердцем, уже не спорят между собой о ревности к соблюдению устава, а о выгодах и ростовщичестве. Адвокат монастыря Райхенау, узнав, что этот хищный волк приближается к стаду Божию, послал людей, которые запретили ему, во имя его спасения, ступить на владения монастыря; в противном случае он сам придет, чтобы освободить оружием тех, чье рабство симониак так дорого купил. Новый аббат был потрясен тем, что потерял столько денег, купив давно желанную честь, которая теперь ускользала от него. Однако он хотел испытать судьбу оружия и, как говорят, помешать огонь мечом, то есть увенчать симоническую ересь убийством; но те, кто был при нем, показав ему, что замысел выше его сил, он удалился в смущении во владения своего брата, чтобы ждать там исхода этих событий, ибо аббатство Бамбергское было уже занято другим аббатом. При прибытии этого последнего монахи Бамберга, которых Роберт приучил к своим купеческим и ростовщическим нравам, разбежались как листья, развееваемые ветром.

Спор о десятинах в Тюрингии был не менее постыдным. Архиепископ Майнцский требовал их в течение десяти лет, несмотря на привилегии тюрингцев и угрозы папы. Он обязался доставить развод короля (1069), если король принудит тюрингцев платить, и возбудил против них первую войну, в которой тюрингцы, объединенные торжественной клятвой, сопротивлялись королю и грабили владения архиепископа. Наконец, в 1073 году, пока замки, воздвигнутые в Саксонии и Тюрингии, наполнялись королевскими разбойниками, Генрих побудил архиепископа требовать десятины, обещая ему поддержку. Был назначен синод в Эрфурте, архиепископ привел туда толпу философов и софистов, собранных отовсюду, чтобы толковать каноны не по истине, а по воле епископа... Король держал вокруг себя многочисленные войска, чтобы силой усмирить тех, кто захотел бы помешать делу. Защитниками тюрингцев были аббаты Фульдский и Херсфельдский. Вызванные публичным обсуждением вопроса об уплате десятины, они умоляли архиепископа, во имя Бога, уважать законные права, дарованные монастырям, подтвержденные во все времена декретами пап и новейшими посланиями, и которые

все его предшественники уважали. Архиепископ отвечал, что его предшественники управляли Церковью, как хотели, что христианам, еще невежественным и новообращенным, они могли давать молоко пить; но что эти христиане теперь выросли, что его Церковь уже стара; что он дает своим верным твердую пищу и что он имеет право требовать от сынов Церкви церковных вещей. Аббаты, вновь взывая к нему во имя Бога, говорили ему: если авторитет римского первосвященника, если привилегии Карла и других императоров, если пожалования древних архиепископов Майнцских более не служат нам помощью и надеждой, позвольте по крайней мере, чтобы раздел десятины происходил согласно канонам и обычаю всех церквей земли. Возьмите четверть для себя и ваших посланцев, и оставьте три другие части церквям, которым они назначены. Но архиепископ отвечал, что это не его мысль, и что он не катил в течение десяти лет эту тягостную скалу, чтобы добровольно отказаться от своих прав, когда он наконец достиг исполнения своих желаний. Первый и второй день прошли в прениях, и тюрингцы готовились отвергнуть власть синода, чтобы апеллировать к Риму, когда король, призывая имя Божие, обещал всякому, кто осмелится сделать это, смертный приговор, рассеяние всего его имущества и разорение, которое века не исправят. Тогда аббат Херсфельдский уступил и, по соглашению с королем и архиепископом, постановил, что в своих десяти церквях, имеющих право на десятину, аббат возьмет две части, архиепископ – третью, и что в других церквях раздел будет производиться пополам между архиепископом и аббатом. Когда этот был наконец укрошен, тюрингцы отчаялись и обещали платить. Аббат Фульдский хотел сопротивляться; но король, угрожая ему и запрещая возвращаться в его аббатство, заставил его согласиться. Король, хорошо зная, что все это не понравится римскому первосвященнику, закончил угрозой каждому аббату своей гневом, если они сами, через посланцев или каким-либо иным способом, будут обвинять синод перед апостольским престолом.

Так Церковь подчинялась власти князей, и, чтобы лучше держать ее в своей зависимости, князьям было мало этого первого узурпирования. Будучи сюзеренами церковных земель, они открыто стремились к духовному верховенству: не довольствуясь назначением епископа или аббата и инвеститурой его как феодалария, вручая скипетр, символ светской власти, они претендовали еще и на инвеституру его как епископа или аббата, вручая кольцо и посох, символы духовной власти. Тем самым Церковь становилась полностью феодальной; в то же время, как забвение церковных законов проникло под влиянием всеобщего разврата, безбрачие священников вышло из употребления. Еще немного времени, и эти епископы, эти женатые священники не отличались бы от светских сеньоров ничем, кроме внешних знаков и пустых функций. Церковь становилась наследственной, как всякое другое сеньорство; отныне никакого свободного избрания, никакой силы, никакой славы, и особенно никакой любви; имущество церквей, до того времени имущество бедных, стало лишь собственностью одного человека, преданность роду человеческому уступила место эгоизму семьи. Повсюду произошло бы то же, что в Англии во времена Реформации, если бы было возможно, чтобы истинная Церковь повсюду погибла.

II.

Исправление зол Церкви могло исходить только от самой Церкви; подавление феодального беспорядка стало затем делом возрожденной Церкви. Григорий VII очистил духовенство и возвратил ему могущество, присущее добродетели; он возвестил крестовые походы, и крестовые походы, направляемые его преемниками, разрушили феодализм. Рим, подчиненный Империи со времен Оттона, наказанный за свои беспорядки еще более тяжелой рукой, рукой Генриха III, потеряв на несколько лет избрание пап, в самом своем унижении вновь обрел свою добродетель. Папы, испрашиваемые у Императора и присылаемые из Германии, восстановили достоинство священства и начали искоренение зла, не щадя даже императоров, которые их избрали. С Львом IX прибыл в Рим Гильдебранд, монах из Ключи, воспитанный монастырем к суровой жизни и облеченный всей твердостью гения. пылая ревностью о Боге, он начал тревожить совести епископов Галлии. Под его неотразимым влиянием Лев IX на соборе в Риме

низложил нескольких епископов, уличенных в симонии, и четырех других на соборе в Реймсе в 1049 году. При Викторе II Гильдебранд, легат во Франции, председательствовал на синодах в Лионе и Туре (1056) и низверг шесть симонических епископов. При Александре II (1070) епископы Майнцский, Кёльнский, Бамбергский, вызванные в Рим, должны были дать отчет в своем избрании, и все трое были вместе подвергнуты порицанию за продажу священных санов, общение с покупателями и возложение на них рук. Уже королевская власть сама склонялась. Епископ Констанцкий, назначенный Генрихом IV, не мог быть посвящен и был низложен вопреки королю. Генрих IV в своем собственном деле не был более удачлив: когда он собрал собор, чтобы получить развод, там явился легат Святого Престола Петр Дамиани, почтенного возраста, святой жизни, который позже стал бесстрашным поборником воли Григория VII. Он объявил от имени папы, что это гнусное преступление, достойное имени короля, и еще более имени христианина; и если король не покорится советам, папа употребит апостольскую строгость, предупредит преступление законом канонов, и никогда его руки не посвятили бы императором человека, пример которого, зараженный нечестием, предал бы, насколько от него зависело, христианскую веру. Развод не был разрешен.

Между тем другая мысль волновала душу Гильдебранда. Ему казалось, что если Церковь не свободна от грехов, то потому, что она не свободна; самая жалкая из женщин могла, следуя законам своей страны, выбирать себе супруга, а Невеста Божия, обращаемая как презренная рабыня, не могла по своей воле соединиться со своим Женихом. Нужно было, чтобы Церковь вновь стала свободной через своего главу, через князя христианства, через солнце веры, через папу. Он восстал, следовательно, и против этой власти, которую императоры присвоили над Церковью. Он сам короновал папу Николая II королевской короной, на которой были написаны слова: *Corona de manu Dei, diadema imperii de manu Petri*; вскоре он добился издания декрета, по которому избрание папы вновь стало правом кардиналов и духовенства Рима, с сохранением императорского подтверждения; и, по смерти Николая II, отвергнув жалкого епископа Пармского, которого императрица Агнесса хотела возвести на первосвященство, он велел избрать в Риме и короновать епископа Луккского, который принял имя Александра II, поддержал его с помощью норманнов и принудил императора признать его. Так он заслужил Святой Престол и славу возвысить римскую Церковь над всеми земными властями. По смерти Александра II (1073) единодушное согласие духовенства и народа Рима объявило его папой, несмотря на его сопротивление. Сын плотника был противопоставлен нечестивым королям под именем Григория VII.

Это был всеобщий ужас среди немецких епископов. Гений нового первосвященника и его непоколебимая вера были укором и угрызением совести. Они окружили короля Генриха, говоря, что избрание было сделано без его приказа, умоляя его аннулировать его, давая ему понять, что если он не предупредит враждебное насилие Гильдебранда, он будет поражен первым и строже, чем кто-либо. Сам Григорий VII не скрывал этого. Императорский посланец явился потребовать от римлян отчета об избрании, сделанном без совета с королем; Григорий ответил, что он хотел ждать подтверждения короля, чтобы посвятить себя; но что он молил короля не подтверждать его, иначе его беспорядки не останутся безнаказанными. Генрих, однако, рассмотрев, одобрил, и Григорий VII был посвящен.

Первый взгляд Григория VII на мир был взглядом печали и ужаса. «Я хотел бы, – писал он аббату Ключи, – чтобы тебе было возможно узнать скорби, которые я претерпеваю, и множество бедствий, которые ежедневно возрастают, чтобы сокрушить меня. Сострадание обратило бы тебя ко мне, твое сердце излилось бы потоком слез, ты простер бы руку бедняку Иисуса Христа... Церковь восточная увлекается дьяволом к расколу... С другой стороны, когда мой взор падает на запад, или на юг, или на север, я нахожу едва ли одного законного епископа, который управляет христианским народом из любви ко Христу, а не из мирского честолюбия, и среди светских князей я не знаю ни одного, который предпочитает славу Божию собственной

чести или правосудие – деньгам. Что же до этих римлян, этих ломбардцев, этих норманнов, среди которых я обитаю, я часто говорил им, что считаю их хуже иудеев и язычников. Возвращаясь к самому себе, я чувствую себя столь поверженным под бременем собственных деяний, что лишь милосердие Христово может спасти меня. Ибо если бы надежда на лучшую жизнь и надежда быть полезным Церкви не поддерживали меня, ничто не могло бы удержать меня в Риме, где – Бог мне свидетель – одна лишь сила заставляла меня обитать в течение двадцати лет».

Какова бы ни была, однако, эта кажущаяся неуверенность, святой принял уже давно непоколебимое решение встретить ненависть своих врагов и суждения, которые нечестие мира захотело бы вынести о его деяниях. «Ибо, – писал он королю Кастилии, – я мог бы сделать из этих людей преданных слуг, получить от них больше сокровищ, чем какой-либо папа до меня; но, помимо краткости жизни и презрения, которое должно питать к человеческим вещам, я размышлял, что никто никогда не заслуживал имени епископа, кроме как претерпевая гонения за правду, и я предпочел навлечь на себя ненависть злых, повинуюсь заповедям Божиим, чем подвергнуть себя гневу Божию, угождая злым неправдой».

С какой язвы Церкви должно было начать? Греческий раскол, казалось, предлагался первым, и за этим расколом – враги христианского имени, турки, угрожавшие, завоевав Сирию и Малую Азию, вторгнуться в Европу. Император Михаил Парапинак сделал тогда первое из тех предательских предложений, посредством которых греки, до самой своей гибели, надеялись призвать против своих врагов помощь европейцев; он обещал воссоединение греческой церкви с римской. Тотчас Григорий VII отправил патриарха Венецианского в Константинополь и написал всей Европе знаменитое послание, где, призывая христиан к оружию против турок, он предлагал себя вождем экспедиции и просил лишь 50 000 рыцарей, чтобы освободить Святую землю. Такова была первая проповедь крестовых походов и, по выражению одного современника, первый звук трубы, который пробудил Запад; но было в судьбе Григория VII возвестить крестовые походы, подготовить средства к ним, возродив Европу, и передать их своим преемникам. Переговоры не удалась с Парапинаком, и необходимость избавить Церковь от внутренних скандалов удержала в Европе папу и рыцарей.

С первых дней своего понтификата Григорий VII написал королю Франции Филиппу I и королю Германии Генриху IV, двум наиболее виновным среди королей, которые должны были особенно дать отчет в своих развращенных нравах и симонии. Оба ответили покорным тоном. Генрих IV даже просил советов святого отца, чтобы сообразоваться с ними полностью. Тогда (1074) состоялся собор в Риме, который предал симонию проклятию и постановил, согласно правилу древних канонов, чтобы священники не имели жен. Женатый священник должен был отпустить жену или быть низложенным; впредь никто не должен был быть допущен к священству, кто не дал обета навсегда целомудрия и безбрачия. Этот декрет, немедленно разосланный по всей Италии и в Германию, заставил содрогнуться всю партию клириков. Папа был еретиком, безумцем по крайней мере, и они цитировали святого Павла, которого не понимали. Но в Италии Петр Дамиани бросал вызов этим мятежным телятам и их скрежету зубовному, объявляя во всех городах, что воля епископа римского есть его закон, и обрекая жен клириков на презрение верных. Григорий VII со своей стороны понуждал епископов Германии, обвиняя их в малодушии и слабости, если они не исполнят данный им приказ, и угрожая им апостольским осуждением. Соппротивление клириков, показав всю их злобу, вполне оправдало первосвященника. Архиепископ Майнцский собрал наконец синод в Эрфурте, он отдал приказ отречься от брака или от священства; клирики сперва рассуждали, молили, умоляли, затем вышли, чтобы посоветоваться. Одни хотели вернуться домой, другие кричали, что лучше было бы вернуться в синод и изгнать епископа с епископской кафедры, прежде чем он произнесет против них свой мерзкий приговор. «Пусть умрет, как заслужил; нужно знаменитое наставление потомству; тогда ни один из его преемников не осмелится предпринять подобное в отношении клириков».

Архиепископ, испуганный, умолял их вернуться, обещал послать в Рим и добиться, чтобы папа отозвал свой суровый приговор. Эта слабость ободрила всех клириков; клирики Пассау дурно обращались со своим епископом, и епископ Констанцкий Оттон осмелился формально разрешить своим клирикам жениться.

Григорий VII не отступил. Клирики предпочитали оставаться под приговором интердикта, чем отпускать своих жен. Чтобы заставить их изменить другим путем, папа постановил (1075), что никакой христианин не должен слушать мессу женатого священника: «Если есть какой-либо священник, диакон или субдиакон, который все еще погряз в пороке нечистоты, мы, именем Бога всемогущего и властью святого Петра, запрещаем ему вход в церковь, пока он не покается и не исправится. А если он осмелится упорствовать в своем грехе, пусть никакой христианин не присутствует при делах его служения, ибо его благословение обращается в проклятие, его молитва – в грех, ибо Господь сказал через пророка: "Я прокляну ваши благословения"». Этого было достаточно: папа и народы поняли друг друга. Повсюду миряне восстали, ибо они не хотели иметь женатых священников и не хотели быть лишенными божественного культа. По избытку ревности они поднимали руку на непокорных пастырей, били их по щекам, увечили; отказывались от их служения, сами крестили своих детей и сжигали десятины, предназначенные священникам. Пришлось уступить. Воля Григория VII была исполнена средствами, которые он не приказывал; церковное безбрачие возвращало уже состарившемуся миру чистоту первоначальной Церкви.

Между тем началась другая борьба – с королями. Одновременно с приказом о безбрачии, осуждение симонии, произнесенное тем же собором, было доставлено в Германию. Мать Генриха и четыре епископа-легата Святого Престола прибыли, чтобы укрепить Галлию, давно колебавшуюся (1074). Легаты отказывались общаться с королем, обвиненным перед Святым Престолом в том, что продавал за симонию церковные достоинства; они требовали, чтобы он совершил покаяние и просил у них отпущения; они хотели также созвать собор. Но немецкие епископы воспротивились, говоря, что они предоставят лишь самому папе право собирать их; сам Генрих обратился против Венгрии. Папа нанес, следовательно, более сильный удар. В начале 1075 года собор в Риме запретил, чтобы инвеститура церковными бенефициями отныне совершалась мирянами. Декрет был разослан по всему христианскому миру как единственное средство избежать симонии. Так начался спор об инвеституре, первая война священства и империи.

Это было время, когда Генрих IV торжествовал над саксами благодаря предательству и укреплял свою тиранию силой. Папа, казалось, был занят другим делом. Изяслав, великий князь русский, изгнанный своими братьями и герцогом Польским, пришел просить защиты у Григория VII, обещая подчинить Церковь русскую Церкви римской, и папа нашел время, чтобы утешить Изяслава и сделать выговор поляку Болеславу. «Ты нарушил, – говорил он ему, – христианские законы, присвоив сокровища русского князя. Я молю и заклинаю тебя, именем Божиим, возратить ему то, что ты и твои подданные у него отняли; ибо вору не войдут в Царство Небесное». Но неутомимый Григорий не забывал Германию. Он напоминал Генриху о его обещаниях исправления. Он вызывал в Рим епископа Бамбергского, обвиненного своими клириками в симонии и невежестве. И таково было это невежество в самом деле, что однажды, будучи спрошенным одним из своих клириков о стихе из Писания, он не смог дать, не то чтобы мистический смысл, а дословный перевод. Напрасно епископ сверкал серебром; постоянство первосвященника и его сердце, неприступно закрытое для алчности, отвергали все доводы человеческой лживости. Григорий низложил его, требовал, чтобы ему поспешно дали преемника, и требовал освобождения епископов, захваченных королем в саксонской войне.

Симония, казалось, не могла быть искоренена из Германии. Генрих согласился назначить епископа Бамбергского. Он выбрал человека, презираемого народом, но своего близкого друга, поверенного всех своих тайн, соучастника своими советами во всем, что король сделал для

бесчестия королевского величия. На следующий день занялись избранием аббата Фульдского; тотчас увидели великую борьбу между епископами и аббатами, съехавшимися из разных мест. Один приносил горы золота, другой обещал фьефы на землях аббатства, третий – более дорогостоящую службу государству. О времена, о нравы! Мерзость запустения, стоящая там, где не должна; деньги, публично восседающие в храме Божиим и возносящиеся выше всего, что называется Богом. Сам король покраснел от стыда и, по стыдливости, выбрал бедного монаха. Но когда умер досточтимый архиепископ Кёльнский Ганнон, Генрих захотел заменить его Гидольфом, каноником Гослара, чей мягкий характер давал ему надежду на полную свободу действий. Духовенство и народ Кёльна отвергали этого человека, малорослого, безобразного лицом, чья душа и тело не имели ничего достойного священства. Король торопил избрание, когда прибыли легаты папы (1076), которые вызвали короля явиться в Рим в понедельник второй недели Великого поста, чтобы оправдаться в преступлениях, в которых его обвиняли, в противном случае, без всякого промедления, он будет отсечен анафемой от общения Церкви. Генрих прогнал легатов и, собрав в Вормсе епископов, заговорил о низложении Григория VII.

Первосвященник казался тогда наиболее слабым: на него была послана великая беда. Префект Рима Ченчи разорил земли Церкви. Папа сделал ему выговор; затем наконец отлучил. Тот пришел в ярость. В ночь на Рождество он вторгся с вооруженной толпой в церковь, где папа, облаченный в первосвященнические одеяния, служил мессу; схватил его за волосы, потащил среди оскорблений из церкви и, предупредив народ, который мог бы прийти на помощь, запер его в укрепленном доме. Но скоро весть об этом жестоком поступке распространилась по городу. Со всех сторон кричат «к оружию!»; богатые и бедные, знатные и народ, все теснятся, осаждают дом Ченчи и угрожают разрушить его до основания, если он не освободит папу. Папа, освобожденный, не мог унять ярости толпы; в течение нескольких дней она грабила владения Ченчи, который, в отместку, разорял владения римской Церкви. Между тем собор, собранный Генрихом, поспешил низложить Григория. Епископы Вюрцбургский и Мецский напрасно представляли, что епископ не может быть низложен без того, чтобы его выслушали, и тем более епископ римский, против которого нельзя принять обвинение ни от какого епископа или архиепископа. Но низложенный симониак Гуго Белый выдумал историю о Григории VII, оклеветал его юность и избрание; епископ Франкфуртский добавил, что нужно отречься от папы или от короля, и было составлено письмо, полное оскорблений, чтобы приказать папе отречься и отказаться от всякой власти. Затем король вернулся в Гослар, чтобы утолить свою ненависть к побежденным саксам, отправил на окраины империи саксонских князей, которые подчинились, отдал их имущество своим приверженцам и начал восстанавливать разрушенные замки. Бедствия умножались. Саксония и Тюрингия были поражены бедствием, неведомым по памяти человеческой.

Священник Роланд, на которого было возложено письмо короля, нашел Григория посреди собора. «Король, господин мой, – сказал он епископам, – приказывает вам явиться к нему, чтобы выбрать другого папу; ибо этот – вовсе не папа, а хищный волк». При этих словах стража собора хотела убить дерзкого; но папа прикрыл его своим телом и дал ему скрыться. Затем прочли письмо короля. Оно упрекало Григория в хитрости, обмане, деньгах и мече, посредством которых он узурпировал престол мира; объявляло, что король не может быть низложен иначе как за преступление ереси, и заканчивалось словами: «Сойди же, ты, кто осужден приговором всех наших епископов, уступи апостольский престол другому, кто не оскверняет его... Я, король Генрих Божиею милостью, и все наши епископы, говорим тебе: сойди, сойди». На следующий день, по совету собора, Григорий VII отлучил императора, низложил его с двух королевств – Германии и Италии, освободил его подданных от клятвы верности, отлучил епископов Майнцского, Бамбергского и Утрехтского и отстранил от их должностей всех, кто присутствовал на сборище в Вормсе.

В то же время герцог Швабский Рудольф, герцог Баварский Вельф, герцог Каринтийский Бертольд, епископы Вюрцбургский и Мецский и другие князья собрались, чтобы обсудить бедствия государства. Король не изменился со времени саксонской войны, ничто не исчезло из его жестокости, легкомыслия, привычного общения с наихудшими из людей. Он выиграл в этой войне право проливать по своему желанию кровь всех. Тогда образовался обширный заговор, который возрастал с каждым днем; весть об отлучении короля, пришедшая из Италии, более ничего не оставляла тирану. Епископ Утрехтский напрасно обличал римского первосвященника во все торжественные дни; дело папы становилось делом угнетенной Германии; Церковь и народы взывали одновременно против одного и того же человека и по сходным причинам.

Немецкие вассалы смело торопили падение короля. Он не мог умиротворить их, освободив архиепископа Магдебургского, епископов Мерзебургского и Мейсенского, герцога Саксонского и других князей. Конфедераты назначили общий сейм в Трибуре. Туда прибыли патриарх Аквилейский и епископ Пассауский, легаты папы; они отказывались общаться с любым человеком, князем или простолюдином, который общался бы с отлученным Генрихом. Они избегали тех, кто общался с женатыми священниками и симониаками или хотя бы присутствовал на их молитвах. После семи дней заговорили об избрании другого короля; Генрих, расположившись лагерем близ Оппенгейма, просил пощады, обещал лучшую жизнь. Но князья не хотели пустых обещаний, уже столько раз обманутых; они рисовали ужасную картину состояния империи: государство потрясено, спокойствие церквей нарушено, величие империи исчезло, власть князей упразднена, нравы развращены, законы отменены, и, по слову пророка, проклятие, ложь, убийство, воровство, прелюбодеяние накопились, кровь покрывает кровь. Они согласились, однако, на соглашение: рассмотрение всего дела было отложено папе, которого будут просить приехать в Аугсбург, чтобы произнести после рассмотрения, в общем собрании всех князей. Если в течение года, со дня его отлучения, король не будет от него освобожден, он больше не будет королем; он должен был, в ожидании, удалиться от своей особы всех отлученных, распустить свою армию, удалиться в Шпейер и жить там как простой частный человек, не входя в церковь и не касаясь общественных дел.

Были отправлены послы к папе, чтобы отдать ему отчет обо всем этом деле. Генрих поспешно прогнал отлученных, которые его окружали, затем искал способ получить отпущение, без которого для него больше не было трона. Если он будет ждать папу в Германии, он предстанет перед этим суровым судьей среди своих обвинителей, лучше было пойти навстречу папе, вдали от своих врагов; он отправился в Италию.

1077 год. Конфедераты хотели закрыть ему проход через Альпы; однако он получил от герцога Савойского, уступив ему Бюже, проход через Мон-Сени. Зима была сурова; горы, через которые нужно было переходить, вознося до небес свой нависающий пик и покрытые снегами, не предлагали пути ни человеку, ни лошади. Но приближалась годовщина отлучения; неотвратимый приговор князей гнал короля вперед среди препятствий. Со своей стороны папа выступил в путь в Аугсбург, несмотря на римских знатных, которые боялись опасностей этой неопределенной экспедиции. Но он имел поддержку графини Матильды, дочери маркграфа Тосканского Бонифация, вдовы Гоцелона III, герцога Нижней Лотарингии, убитого в 1076 году. После смерти мужа она привязалась к папе, следовала за ним повсюду, служила ему как отцу, и он сам называл ее своей дочерью и дочерью святого Петра. Несмотря на богатства своих владений, она оставляла все для первосвященника и спешила к нему всякий раз, когда считала себя необходимой. Когда узнали о прибытии Генриха, и, так как не знали его цели, она предложила Григорию VII свой замок Каноссу на территории Реджо, который также ей принадлежал. Между тем отлученные, приверженцы Генриха, следовали за ним, чтобы вымалывать, как и он, свое отпущение. Но епископ Верденский был захвачен графом Адельбертом, который ограбил его; епископ Бамбергский, задержанный герцогом Баварским Вельфом, ограбленный от всего своего имущества, своих епископских одежд и всех богатств, которые он вез и которые герцог

велел вернуть его церкви, сам был задержан пленником в замке. Другие, епископы и миряне, которые избежали стражей князей, прибыли наконец в Каноссу в одеяниях кающихся, босые, покрытые власяницей на голое тело; они просили прощения за свое восстание и отпущения. Папа отвечал тем, кто действительно признавал свой грех и оплакивал его, что не отказывает им в милосердии, но что их долгое неповиновение и эта густая, затвердевшая ржавчина греха должны быть очищены и истреблены огнем более долгого покаяния. «Итак, если они действительно каются, они претерпят мужественно врачевание, которое церковное правосудие приложит к их ранам, дабы не сказали, что их преступление против апостольского престола прошло как проступок без важности». И как они отвечали, что готовы все претерпеть, он отделил епископов, дал каждому келью, запретил им всякое собеседование между собой и позволил принимать каждый вечер легкую пищу. Затем он поступил с мирянами, каждого согласно его вине, возрасту и силам. Через несколько дней он призвал их, расспросил, сделал выговор, предупредил, чтобы не совершали ничего подобного, и дал им отпущение; но запретил им общаться с Генрихом, пока князь не будет освобожден от отлучения.

Между тем сам Генрих призывал Матильду и через ее заступничество просил прощения. Папа отвечал, что дело не может быть рассмотрено вдали от обвинителей, что невинность доказывается во всяком месте и что решится в Аугсбурге. Но король молил сильнее; он не хотел уклоняться от суда папы, самого неподкупного мстителя справедливости и невинности. Приближалась годовщина отлучения; он будет низложен, если не получит отпущения; какого удовлетворения требуют? он готов все претерпеть. Папа все еще сопротивлялся, он боялся эту молодую душу, столь непостоянную, столь скорую ко злу; наконец он уступил мольбам Матильды, аббата Ключни и маркиграфа Адзона. Генрих вошел в замок, пробыл там четыре дня и вышел оттуда с отпущением. Тотчас папа написал немцам о том, что произошло: «После того как мы заставили обратиться к королю с суровыми упреками за его излишества, он сам, с видом человека, не имеющего дурных намерений, явился с малочисленной свитой в Каноссу. Там он пробыл три дня перед воротами, в состоянии, внушавшем жалость; ибо лишенный всего королевского убранства и без обуви, он был одет в шерсть; он не переставал умолять со многими слезами о помощи и утешении апостольского сострадания, до того, что все присутствующие или слышавшие об этом были тронуты жалостью и ходатайствовали перед нами, удивляясь неслыханной жестокости нашего сердца. Некоторые восклицали, что это – не апостольская строгость, а жестокость свирепого тирана. Наконец, мы, уступив просьбам всех присутствовавших, разорвали наконец узы анафемы и приняли его в общение нашей святой матери Церкви». Так папа сам понимал, что ему нужно извиниться перед раздраженной Германией, которая не верила в раскаяние виновного. То, что произошло в Каноссе после отпущения, не успокаивало ее более. Папа, совершая мессу, призвал короля к алтарю и, держа в руках тело Господне, сказал: «Ты и твои соучастники обвиняли меня в узурпации апостольской кафедры посредством симонии; вы добавили, что до моего епископства и после я осквернял свою жизнь преступлениями, которые должны были запретить мне епископство; я мог бы призвать в помощь множество других свидетелей, которые знали мою жизнь с детства и которые вознесли меня на первосвященство; но я не хочу предпочитать свидетельство людей свидетельству Божию; вот тело Господне, которое я буду вкушать; я взываю к суду Бога всемогущего; пусть Он освободит меня от всякого подозрения, если я невинен; если я виновен, пусть поразит меня внезапной смертью». Затем он преломил облатку и съел часть, и народ ответил продолжительными приветствиями; наконец, добившись тишины, он продолжал: «Теутонские князья обвиняют тебя ежедневно в тяжких преступлениях. Если ты невинен, прими эту половину облатки, оправдай свою невинность свидетельством Божиим. Тогда князья, по слову благочестия, примирятся с тобой, твое королевство будет тебе возвращено, гражданские войны уснут навсегда». Король, пораженный оцепенением, удалился, чтобы посоветоваться, затем вернулся сказать, что отсутствие князей мешает ему принять.

Эта остаточная совесть в развращенной душе, вместо того чтобы оправдать Генриха, была для немцев лишь признанием и новым доказательством тех преступлений, отмищения которых они добивались.

К счастью, папа не обязался относительно вопросов, поставленных князьями. Генрих все еще должен был явиться на общее собрание, принять приговор, который произнесет папа, будет ли он низложен или оставлен, воздерживаться до суда от всех королевских функций. Если он будет оставлен, он будет послушен римскому первосвященнику и будет всемерно содействовать реформе церковных законов в своем королевстве. Генрих согласился на все это, он хотел отпущения любой ценой; но едва выйдя из Каноссы, он показал своим поведением, что папа слишком поторопился, несмотря на свою кажущуюся суровость. Север Италии принял сторону против папы; итальянские епископы не могли простить Григорию VII его непреклонной воли реформировать их, поражения симонии, восстановления безбрачия и угроз этого Петра Дамиани, который тревожил их своим грозным голосом посреди их беспорядков. Они кричали «симониак, убийца, прелюбодей», который упразднил величие королей; они кричали также о малодушии короля, который унизился перед еретиком. Итальянские князья, присоединяясь, возбуждали народ против этого короля; они требовали его отречения в пользу его сына, еще ребенка, и избрания другого папы, который короновал бы этого ребенка императором. Генрих, чтобы успокоить их, свалил все дело на немецких князей, которые стремились лишить его трона клеветой, и на римского первосвященника, который, чтобы потрясти Церковь, метал свои молнии со всех сторон. Однако его не принимали в городах, задерживали в предместьях, едва давали пропитание, необходимое его армии, следили за его алчными руками; и стражи, размещенные в полях, препятствовали ему что-либо похитить. В таком положении он принял решение порвать с папой, чтобы примириться с Италией, и на собраниях князей нагромождал глупые обвинения против Григория. Итальянское негодование смягчалось по мере того, как дерзость возвращалась к королю; встречали его на пути, увеличивали продовольствие, обещали поддержку во всех его предприятиях. Но немецкие князья собрались в Форхгейме и просили папу прибыть туда. Григорий, все еще в Каноссе, не выходил оттуда; он велел сказать князьям, что войска Генриха не позволяют ему прохода, и просил их устроить, согласно церковным законам, то, что подобает общественному благу и чести всех. Князья, верные своей угрозе, выбрали королем Рудольфа Рейнфельденского, герцога Швабского; он принес присягу, что не сделает корону наследственной в своем доме и что оставит избрание епископов свободным; он был помазан в Майнце. Наконец началась война (1077).

Не эту войну хотел вести Григорий; он утомился для свободы Церкви, чтобы искоренить симонию и обуздать невоздержание клириков; он хотел вести войну против других врагов Церкви, турок или фатимитов, которые оспаривали друг у друга в Сирии Святой город; пришлось оставаться в Риме, чтобы встретить оружие отлученного императора. Пока он писал королю Кастилии Альфонсу VI и воскрешал дань, выплачивавшуюся некогда Испанией Святому Престолу, Генрих IV, извещенный об избрании Рудольфа, вновь появился в Германии. Он нашел там приверженцев, и в первой битве (1078) близ Мельрихштадта собирался победить Рудольфа, когда Оттон Нортхеймский заставил его отступить до Швабии. Но Генрих, низложив Рудольфа с его герцогства, пожаловал его Фридриху Гогенштауфену – так названному по замку Штауфен.

Григорий VII предложил себя судьей и посредником между двумя королями, говоря: «Если один из двух, надменный гордостью, захочет воспрепятствовать нашему путешествию и, чувствуя свое дело дурным, будет бояться суда Святого Духа, отвергните его как член Антихриста... Всякий, кто не повинуется апостольскому престолу, совершает преступление идолослужения. С тех пор как мы покинули город, мы были в великой опасности среди врагов христианской веры; но ни ужас, ни привязанность не могли вырвать у нас несправедливого обещания в пользу того или другого короля. Ибо мы предпочитаем претерпеть смерть, нежели согласиться

на смуту в Церкви; мы поставлены на апостольский престол, чтобы трудиться в этой жизни не для себя, но для Иисуса Христа». Несмотря на этот язык, обещавший правосудие, саксы обвиняли папу в медлительности. Они спешили покончить с опустошителем Саксонии; они жаловались на бессильные законы и на расхищение королевских доменов Генрихом. Наконец, вторая битва при Фладенгейме (январь 1080), оставшись безрезультатной, побудила Григория VII высказаться в пользу Рудольфа, объявить Генриха вторично лишенным его королевств и послать Рудольфу диадему со своим благословением. Он возобновил запрещение инвеституры мирянами и отлучил архиепископов Миланского и Равеннского и епископа Тревизского.

Генрих захотел ответить другим собором. В Бриксене (июнь 1080) собрание немецких епископов провозгласило низложение Григория VII как лжемонаха и некроманта и как виновного в том, что потряс Церковь и государство, покушался на жизнь православного короля, защищал клятвопреступника, сеял раздор между миролюбивыми, соблазн между братьями и разделение между супругами. Тридцать епископов подписали акт и написали папе: «Поскольку ты не захотел признать нас епископами, знай, что отныне ты более не являешься для нас преемником Апостола». Они избрали на его место архиепископа Равеннского под именем Климента III; но решить могли только оружие. Генрих сначала атаковал Рудольфа близ Мейльштена. Как обычно, Оттон Нортхеймский победил на фланге, которым командовал; но Готфрид Бульонский, друг императора, пронзил Рудольфа в живот ударом императорского знамени. Рудольф скончался в Мерзебурге и был погребен там с королевским великолепием. Некоторое время спустя Генрих, удивляясь богатству его гробницы, и когда ему сказали, что это гробница Рудольфа, сказал: «Пусть все мои враги будут погребены столь великолепно!»

После смерти Рудольфа казалось, что Григорий VII остался один; Генрих, поручив Фридриху Гогенштауфену заботу о борьбе с немецкими князьями, перешел в Италию со своим антипапой (1081); дерзость показалась великой, особенно норманнам; кто же дерзает, если не безумствующий до безумия, взяться за оружие против общего отца и напасть на такого отца? Уже за Генрихом немцы, ободренные Григорием VII, искали другого короля, который был бы воином (miles) Святого Престола. Пока Генрих безуспешно осаждал Рим в первый раз, Германом Люксембургским стал королем Германии. Однако, неистовый в стремлении погубить папу, Генрих вернулся против Рима (1082). Григорий VII не дрогнул; он рассчитывал также на помощь своего вассала с юга, норманна Роберта Гвискара. Генрих отступил во второй раз. Третья осада (1083) отдала наконец Леонинский город, Ватикан и Яникул: но другой город не был взят. Григорий держал там собор и говорил с такой силой о вере, о христианской нравственности, о постоянстве, необходимом в гонении, что все собрание отвечало слезами. Однако римляне, уставшие, открыли свои ворота в 1084 году; но Григорий VII заперся в замке Святого Ангела. Не Генриху IV было возлагать руку на первосвященника; он мог велеть посвятить Климента III и короновать себя самого императором; но нужно было возвращаться в Германию; его приверженцы осаждали Григория VII, когда прибыл Роберт Гвискар; он рассеял осаду, Климент III бежал; папа, возвращенный в Латеранский дворец, на новом соборе отлучил Генриха и его антипапу и послал Оттона Остийского провести в Германии собор в Кведлинбурге, на котором присутствовал Герман. Были объявлены недействительными все рукоположения, совершенные отлученными, анафема была произнесена против антипапы Климента III, и вновь предписано безбрачие клирикам, поставленным в священные саны. Так последний акт Григория VII ответил первому.

Первосвященник умирал в то же самое время; после того как он поставил себя как стену для дома Господня, у него не оставалось более пристанища, кроме чужой земли. Норманны Гвискара, освободив его, сделали себя ненавистными своей привычкой к грабежам. Не было более безопасности в Риме для Григория VII; он удалился в Салерно; он умер там через несколько дней (1086), смиренно повторяя эти прекрасные слова, которые рассказывают всю его жизнь: «Я возлюбил правду и возненавидел беззаконие: вот почему умираю в изгнании».

Дело Григория VII не умерло с ним, хотя его смерть, казалось, распростерла над Церковью густой мрак, какой жезл Моисея простер над Египтом; Церковь римская была освобождена, духовенство очищено. Первое слово о крестовом походе, который поднимет христианскую Европу против мусульман, не пало на землю. Церковная инвеститура будет отнята у князей. Правда, сначала недоставало вождя, чтобы продолжить. Дезидерий, монах Монте-Кассино, указанный самим Григорием VII своим преемником, пятнадцать месяцев отступал перед этим огромным наследием евангельской власти и дал себя посвятить под именем Виктора III лишь в 1087 году. Генрих торжествовал некоторое время в Германии благодаря усталости своих врагов. Оттон Нортхеймский умер; епископ Хальберштадтский покинул Германию; сам Герман отказался от своих притязаний на королевство (1088) и удалился в свои земли.

После смерти Виктора III Оттон Остийский стал папой и назвался Урбаном II. По его советам графиня Матильда согласилась выйти замуж за сына Вельфа Баварского, врага императора. Матильда, атакованная, отдала императора от Каноссы после большого поражения; в то же время враги Генриха возбудили против него его сына Конрада (1094), и Берта, его жена, перейдя в Италию, пришла требовать отлучения на соборе за ужасные оскорбления, которые она претерпела от своего мужа.

Эта новая опасность тоже рассеялась. Матильда не поладила со своим новым супругом; она заранее завещала свои владения Святому Престолу. Старый Вельф Баварский, не сумев их примирить, подчинился императору, который подтвердил ему его герцогство, и молодой Конрад был объявлен лишенным своих прав на престол. В то же время первый крестовый поход, чьим автором был Урбан II, отвлекал внимание папы и доблесть рыцарства на Восток.

Примечания:

- [1] Ламберт Ашаффенбургский.
- [2] Ламберт Ашаффенбургский.
- [3] Ламберт Ашаффенбургский.
- [4] См. главу X.
- [5] Ламберт Ашаффенбургский.
- [6] Ламберт Ашаффенбургский. – Герман Contract.
- [7] Ламберт Ашаффенбургский.
- [8] Ламберт Ашаффенбургский.
- [9] См. Письма Григория VII, повсюду, у Harduin.
- [10] Ламберт Ашаффенбургский.
- [11] Мариан Скот, год 1074.
- [12] Ламберт Ашаффенбургский.
- [13] Мариан Скот.
- [14] Сигеберт из Жамблу.
- [15] Ламберт Ашаффенбургский.
- [16] Ламберт Ашаффенбургский и Мариан Скот.
- [17] См. главу XIII.
- [18] Ламберт Ашаффенбургский.
- [19] Ламберт Ашаффенбургский.
- [20] Ламберт Ашаффенбургский.
- [21] Ламберт Ашаффенбургский.
- [22] Ламберт Ашаффенбургский.
- [23] Письмо Григория VII, 4-12; у Harduin.
- [24] Ламберт Ашаффенбургский.

[25] Здесь останавливается Ламберт Ашаффенбургский. – Существует продолжение, сделанное монахом из Эрфурта, еще более недостойное Ламберта, чем Фредегар – Григория Турского.

- [26] Оттон Фрейзингенский, Хроника, книга 6.
- [27] Письма Григория, 4-24.
- [28] Оттон Фрейзингенский, О деяниях Фридриха Первого, 1-1.
- [29] Оттон Фрейзингенский, О деяниях Фридриха Первого, глава 7.
- [30] Анна Комнина, книга I. Письмо Роберта Гвискара папе.
- [31] Оттон Фрейзингенский, Хроника, книга 6.
- [32] Оттон Фрейзингенский, Хроника, книга 6.
- [33] Оттон Фрейзингенский, Хроника, 7-1.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Состояние мира в эпоху крестовых походов (1073-1096).

I

Восток. – Удача сельджукских турок, вознесенная так высоко за два поколения, должна была возрасти еще более при Мелик-шахе. Бедный аббасидский халиф Каим дал новому султану, наряду с титулом эмир аль-умара (повелитель повелителей), также титул эмир аль-муминин (повелитель правоверных), передав тем самым в другие руки единственную власть, которая у него оставалась. В 1076 году Атсиз, наместник Мелик-шаха, отнял у египетского халифа Дамаск, Нижнюю Сирию и Палестину. Иерусалим, вновь оскверненный, пострадал от турок еще больше, чем от Фатимидов; последние позволяли христианам оставаться в святом городе за дань. Атсиз сохранил дань, но отделил христиан от мусульман и удалил их вместе с их патриархом в четвертую часть города. Тем временем Малая Азия подвергалась нашествию. Другой тюрк, Сулейман, правнук Сельджука, воспользовался внутренними распрями Византийской империи, чтобы основать династию в Икони.

Михаил Паропинак был свергнут в 1078 году народом Константинополя при известии, что Никифор Вотаниат и Никифор Вриенний были избраны: один на Востоке, другой на Западе, оба своей армией. Вотаниат, поддержанный турками, прибыл первым и послал Алексея Комнина против Вриенния, который был побежден и ослеплен; но Вотаниат не удержался. Мелиссин, восстав против него, способствовал успехам Сулеймана, и когда Вотаниат был свергнут Алексеем Комнином (1081), бедствия Византийской империи превзошли все ее прежние бедствия.

Алексей, видя состояние империи, скорбел и терял мужество. Римское (византийское) дело трепетало последним стоном; турки опустошали Восток; Роберт Гвискар угрожал западным провинциям. Триста солдат, без сил и опыта, – вот и все римские войска. В качестве союзников – несколько тех варваров, которые носили на правом плече обоюдоострый меч, закрепленный в рукояти, как топор. Никаких денег в казне для набора войск... Союз с императором Запада Генрихом IV против Роберта Гвискара ничего, по крайней мере, не мог сделать против турок. Их замечали в окрестностях Пропонтиды. Сулейман обосновался в Никее, построил там свой султанский дворец и оттуда выпускал своих турок в Вифинию и вплоть до Босфора. Император ловко атаковал их. Он посадил на лодки тех солдат, что у него были, вооружив одних легко – луком и щитом, других – панцирями, шлемами и копьями. Ночью они двигались вдоль берега, слегка работая веслами, чтобы не было слышно; и когда они видели врага, равного по численности, тотчас же, но без шума, бросались, атаковали, убивали и возвращались еще быстрее к своим лодкам. Постепенно турки отступили вглубь страны, оставили Вифинию и, устав от частых нападений, попросили мира. Император решил, что опасность миновала, потому что больше ее не видел; все силы обратили против Роберта Гвискара, который был более страшен и удачлив[1] (см. ниже).

Когда Гвискар взял Диррахий (Дуррес), страх, день ото дня усиливавшийся, заставил потребовать у Греческой церкви ее сокровища. Церковь ссылалась на древние каноны, разрешавшие использовать эти блага только для выкупа пленников. Но этот случай, казалось, представлялся: бесчисленные христиане терпели жалкое рабство на Востоке, подвергая великой опасности свои души; Греческая церковь, тем не менее, отказала; император не нашел иного средства, кроме как взять деньги силой, протестуя, что его к тому вынуждает крайняя необходимость и опасность для римского имени[2]. Действительно, Боэмунд, сын Гвискара, оставался в Иллирии; Сулейман, нарушив мир, подчинял себе всю Малую Азию, кроме Трапезунда и некоторых других городов; и когда он пал от рук Мелик-шаха, в то время как анархия разделила его султанат, сам Мелик-шах приближался к последним владениям греков, грабил Хиос,

Лемнос, Смирну[3]. Тем временем, науки и словесность процветали в Константинополе. Это, без сомнения, было подражанием туркам. Великий визирь Алп-Арслана и Мелик-шаха, Низам аль-Мульк, основал академии и школы в нескольких городах Персии, но особенно в Багдаде; последняя стала самой знаменитой школой ислама последующих времен. И в Константинополе при Алексее процветало множество ученых; они упражнялись в истинной учености, тогда как прежде юношество, преданное пустякам, тратило возраст учения на праздное удовольствие, презирая изящество словесности и ученых искусств. Итал, прибыв в Константинополь, поколебал эту спячку и явил зрелище своих споров с Михаилом Пселлом. Михаил Дука и его братья также любили словесность. Алексей и его жена, Ирина Дука, покровительствовали им, особенно рекомендуя изучение священных книг[4]. Все это происходило среди опасностей, между турками, дунайскими славянами и норманнами.

Еще более грозная опасность начиналась в Азии; новая секта ислама поднимала кинжал над всеми головами государей, христианских или мусульманских. Это был Хасан-и Саббах, родившийся в округе Рея в Иране. Посвященный в Египте в секту исмаилитов, он обосновался в 1090 году в крепости Аламут в провинции Гилян. Он быстро создал ассоциацию, которая отличалась от египетской именем Восточных исмаилитов; все ее члены должны были внешне признавать главой фатимидского халифа Каира, а на деле обеспечивать власть главы ордена. Членами становились трех видов: даи, или учителя; рефики, или товарищи; фидаи, или посвященные. Основатель составил для даи наставление в семи частях: первая состоит из изречений или символов, по которым нужно было узнавать посвященных; вторая учит искусству льстить страстям, чтобы завоевать доверие кандидатов; третья – искусству смущать дух кандидата, внушая ему сомнение в догматах. Четвертая содержит клятву, которой посвященный обязуется хранить тайну и проявлять пассивное послушание своим начальникам; пятая излагает историю ордена и древность его учения; шестая подводит итог первым пяти; седьмая, наконец, признавая истинную цель ассоциации, учит, что статьи веры Корана и принципы нравственности – лишь аллегории и что никто не обязан в них верить или их соблюдать. Фидаи были орудиями воли и мести своего господина. Заключение с детства во дворцы, без иного общества, кроме своих даи, они узнавали, что их вечное спасение зависит от их преданности и что одно лишь неповиновение обрекает их на вечное проклятие; одетые в белое, в красных шапках и красных сапожках, они этим отличались от остальных членов ассоциации. Иногда представленные перед главой, они слышали его вопрос, хотят ли они, чтобы он даровал им рай, и на их ответ, что они готовы исполнить все его приказы, он вручал им кинжал и указывал жертву. Нечто более ужасное, чем подобные приказы, – это хладнокровное постоянство исполнения. Сто двадцать человек последовательно отправлялись убить одного султана; все погибли, удался только последний[5]. Господина называли Владыкой ножей, а чаще Шейх аль-Джабаль, Повелитель Горы; первоначальный смысл слова "сеньор", производного от "сеньор", заставил нас перевести это имя как Старец Горы. Орден, действительно, всегда стремился завладеть высотами. Более известное название этого общества – ассасины, производное от имени Хасан или, скорее, от гашиша (напитка на восточный манер), которым господин опьянял своих посвященных, чтобы возбудить их отвагу[6].

Мелик-шах хотел погубить Хасана и его людей, и тотчас же визирь Низам аль-Мульк пал от рук фидаев. Замок Шахдур, или Королевская жемчужина, который султан только что построил близ Исфахана, был захвачен. Мелик-шах не успел его наказать; он только что подчинил султанат Малой Азии, когда умер (1092). Немедленно империя Сельджукидов распалась. Кылыч-Арслан, сын Сулеймана, стал независимым, и его султанат назвали страной Рума (Рима) или Иконийским, по городу Иконии, где он обосновался. Баркиярук, сын Мелик-шаха, правил в Персии; его брат Тутуш в Сирии, в Алеппо и Дамаске. Ортукиды, названные так по имени Ортока, владели Иерусалимом с 1086 года.

Однако, участь христиан Азии не облегчилась, а Византийская империя оставалась под угрозой. Повторный захват Иерусалима фатимидами (1094) добавил новых страданий. Тогда император Алексей Комнин стал взывать о помощи к западным народам, и Петр Пустынник предстал перед папой Урбаном II.

Испания. – Не только с Востока мусульмане угрожали христианству. Испания, избавленная от Кордовского халифата, не могла думать, что гибель мелких королевств, на которые распался халифат, положит конец ее долгому бодрствованию под оружием. Хозяин всей Кастилии, как и его отец, Альфонсо VI помог мусульманскому королю Толедо (1076) воевать с королем Севильи. Но смерть Альмамуна, его благодетеля, освободив его от признательности, надежнее увеличила его государства. Яхъя, внук Альмамуна, тиранивший толедцев, заставил их вместе с королями Севильи и Кордовы взывать о помощи к Альфонсо. Альфонсо решился, разбил короля Бадахоса, который хотел помешать, осадил Толедо и взял его измором. С завоеванием Толедо Кастилия увеличилась новым королевством (1085).

Но он сам лишил себя великой опоры. В 1080 году он дал отставку Сиду, объявив, что более не нуждается в его услугах. Сид, отправившись со своими вассалами, направился к Сарагосе, где правил мусульманин Аль-Муктадир. Королевство Сарагосы включало самую плодородную часть Арагона, Уэску, Лериду, Дароку, Калатаюд и Туделу; Аль-Муктадир также завоевал Дению и Бурриану в королевстве Валенсия. Но он умер в 1081 году; двое его сыновей разделили владения: один взял окрестности Сарагосы, другой – завоевания в Валенсии. Сид сдерживал первого, Санчо Арагонский – противную сторону; Сид оказался сильнее, он разбил короля Арагона и его союзников (1082-1083).

Тем временем Альфонсо VI, хозяин Толедо, требовал присоединить к этому завоеванию несколько городов, на которые претендовал король Севильи Мухаммад аль-Мутамид. Королевство Севильи, возможно, погибло бы, если бы Мухаммад не созвал общее собрание принцев, судей и мудрецов Андалусии, чтобы обсудить общую опасность. Собрание приняло решение призвать на помощь мусульманам Испании альморавидов из Африки.

Так называли новых сектантов, неистовых в рвении и строгости, что и означает их имя "мурабит" или "альморавид". Их вождь Абу Бекр ибн Омар, чтобы утвердиться в Магрибе (1050), сверг династию Зиридов, завоевал Сиджильмасу и основал Марракеш (1070). Отозванный в Аравию своим племенем, он оставил власть своему родственнику Юсуфу ибн Ташфину, который достроил Марракеш и завершил завоевание Западной Африки, взял Фес и Сеуту в 1084 году. Призванный мусульманскими королями Испании, он ответил, что хочет заранее в залог Зеленый Остров, провинцию, где расположена Альхесирас. Безумный король Севильи согласился и сам отправился в Африку, чтобы ускорить выступление эмира аль-муслимина.

Вторжение альморавидов началось в 1086 году и окрепло благодаря великой победе. Юсуф со своими союзниками атаковал Альфонсо VI при Саграхасе, близ Бадахоса. Там погибло двадцать четыре тысячи христиан. Альфонсо, едва спасаясь, смог увести за собой несколько сотен всадников. Но мусульманские короли Испании ничего от этого не выиграли. Юсуф возвращался в Африку лишь с сожалением, увидев берега Гвадалquivира, и апельсиновые, лимонные и оливковые деревья с их сладкой тенью. Альфонсо примирился с Сидом и призвал французов на помощь Испании. Прибыли граф Тулузский Раймунд, брат графа Бургундского, и Генрих из герцогского дома Бургундии. Юсуф вновь появился в 1087 году, все еще скрывая свои замыслы и выдвигая на первый план свой союз с мавританскими королями. Сид перешел Дуэро, подчинил правителя Альбаррасина сюзеренитету короля Кастилии и вошел в королевство Валенсии, где правил Яхъя, свергнутый король Толедо. Кампеадор, приняв его дары, двинулся между Мурсией и Валенсией и заставил Юсуфа отступить. Альморавид, обвиняя своих союзников, вернулся в Африку; но Альфонсо упрекнул Сид в том, что тот не присоединился к нему, как было приказано; он лишил его его фьефов, всех его владений и заключил Химену и его детей в оковы. Сид предложил четыре способа оправдания, которые он наме-

ревался подтвердить клятвой или судебным поединком. Альфонсо не ответил и удовольствовался освобождением Химены. Сид, таким образом освобожденный от верности, снова начал войну от своего имени, взял Онью в королевстве Валенсии (1089) и сделал ее своей базой. Граф Барселоны захотел помочь мусульманам; он был взят в плен Сидом и стал его другом (1090).

Наконец, Юсуф в третий раз вторгся в Испанию; не скрывая более, он взял Гранаду и поставил там своего наместника; он приказал одновременно атаковать Севилью, Кордову, Ронду, Альмерию; три последние были взяты сразу (1091). Аль-Мутамид, запертый в Севилье, взывал к кастильцам; но шестьдесят тысяч человек, посланных Альфонсо, появились и исчезли, ничего не сделав. Аль-Мутамид сдался, выговорив себе и всем своим жизнь. Но он получил только это; закованный вместе с женами и детьми, он был отправлен в Африку. Тюрьма, нищета и любовь к поэзии – вот все, что осталось последнему из Аббадидов. Пока он воспевал свои несчастья, его дочени, чтобы кормить его, ткали полотно. Империя альморавидов утвердилась в Испании. Юсуф, признанный халифом Каира эмиром аль-муслимином (1091), вознамерился погубить все мелкие арабские государства и христиан.

Жена Альфонсо VI призвала Сиду (1092), внушив ему, что в опасности для христианства нужно забыть личные неприязни. Король Кастилии и кампеадор вместе вступили в Андалусию, но не могли долго ладить между собой. Сид вернулся в королевство Валенсии, постоянно угрожаемое альморавидами. Генералы Юсуфа только что положили конец мавританским государствам Дении, Хативы и Валенсии; даже король Сарагосы стал его данником; после небольших завоеваний, чтобы поднять дух своих людей, Сид расположился лагерем в богатой равнине, которую называют садом Валенсии. Его войска собрали урожай на полях, принадлежавших жителям города, и сохранили его, чтобы вернуть им в день скорого освобождения. Жители, воодушевленные надеждой, взялись за оружие, вынудили гарнизон выйти; Сид позволил ему отступить в Дению; затем он предоставил жителям перемирие, и те согласились сдаться в срок, если обещанная Юсуфом помощь не прибудет. Африканцы показались, но отступили перед Сидом; Валенсия сдалась, Сид установил там свою независимую власть и укрепил ее несколькими днями позже победой над альморавидом, который вернулся, чтобы захватить и заковать кампеадора (1094). В следующем году он завладел Олокау, где король Валенсии хранил свои сокровища, взял Мурвьедро в 1097 году, восстановил, с разрешения папы Урбана II, епископство Валенсии и повелел превратить большую мечеть этого города в собор.

В то же время короли севера Испании не преминули проявить рвение. В 1094 году Альфонсо VI выдал свою дочь Терезу за Генриха Бургундского и дал ему графство Портукале между Дуэро и Миньо; так началась Португалия. Король Арагона Санчо I, умирая под стенами Уэски от стрелы, заставил своего сына Педро поклясться, что тот не оставит осаду. Педро начал свое правление победой при Алькорасе (1096) и гибелью сорока тысяч врагов, и завладел Уэской; взятие Бальбастро четырьмя годами позже удвоило размеры королевства Арагон и подготовило падение Сарагосы. Таким образом, Испании было достаточно, чтобы защищать христианство от мавританских народов: но она не могла делать более того. Ее собственный крестовый поход удержал ее в стороне от крестовых походов на Восток.

Именно во Франции, в Англии, в Германии, в Сицилии и в приморских городах Италии следует искать мстителей за христианство, воинов священной войны на Востоке.

Франция и Англия. – Мы остановили историю Франции и историю Англии на утверждении норманнов в стране англосаксов. Это великое событие, действительно, открывает новую эпоху для этих двух наций, которую должно вовлечь в борьбу, длившуюся четыре столетия. Однако соперничество медлило начаться. Вильгельм занимался прежде всего организацией своего завоевания и навязыванием побежденным правосудия и языка победителя; а беспечный король Франции Филипп I, любивший покой, в котором пребывали первые Капетинги, выходил из него лишь с неохотой и спешил вернуться обратно. Он атаковал своего врага косвенно, мелкими происками, вызывая у него семейные ссоры и домашние затруднения. Виль-

гельм, прежде чем завоевать Англию, обещал уступить Нормандию своему сыну Роберту; став победителем, он отказался, отвечая на все требования, что не настолько безумен, чтобы раздеваться до того, как ложиться спать. Роберт, подстрекаемый друзьями к мятежу, был поддержан королем Франции; он тревожил частыми и мелкими нападениями деятельность своего отца; изгнанный последовательно из всех убежищ, которые мог найти в Нормандии, он получил от Филиппа замок Жерберуа. Мелкие стычки происходили вокруг этой крепости; однажды Роберт, заметив в равнине воина, который выделялся среди всех, но которого доспехи мешали узнать, спустился ему навстречу, опрокинул его и уже собирался нанести смертельный удар, когда узнал своего отца. В искупление этой ненавистной победы он предался всем желаниям Вильгельма, позволил отвезти себя в Англию и в течение нескольких лет довольствовался войной с шотландцами.

Вильгельм овладел Меном; хотя он уступил графу Анжуйскому территориальный суверенитет над этой страной, оставив за собой лишь доходы, и хотя он построил в Ле-Мане крепость Рибодель, его завоевание не было обеспечено. Менцы, объединившись в лигу, однажды признали своим сеньором и призвали из Италии маркиза Лигурии Аццо, которого вскоре изгнали за расточительность, но сына которого оставили. Едва присутствие Вильгельма заставило Мен вернуться под его власть, как граф Анжуйский Фульк Решен поднял всех жителей против норманнского господства и снова призвал короля Англии (1078). Филипп поощрял все эти движения. Графу Анжуйскому в 1082 году наследовал виконт Юбер, сеньор высокого происхождения, великой отваги, смелости, которую ничто не могло удивить; укрепившись в замке Сент-Сюзанн за неприступными скалами, он позволил Вильгельму построить форт напротив своего убежища; но с помощью, полученной из Аквитании и Бургундии, он в течение трех лет бил норманнских принцев и вынудил своего врага предложить ему мир (1086).

Филипп снова раздражил Вильгельма, дав Роберту убежище во второй раз; к этому вызову он добавил дурного тона насмешку, которая могла бы иметь ужасные последствия, если бы Вильгельм не умер среди своей мести. Английский король осадил Мант, взял и сжег его; но усталость дня вызвала у него болезнь, от которой он умер через шесть недель (1087). Его перенесли на возвышенность близ Руана, около монастыря[7]. Там он раздал свои сокровища бедным, церквям, духовенству, отдал Нормандию Роберту, а Англию – своему второму сыну Вильгельму Рыжему. Как только он испустил дух, знать вскочила на коней, чтобы защитить свои владения; младшие офицеры разграбили оружие и всю утварь короля, и труп завоевателя Англии, этого разорителя, который ограбил и уничтожил целый народ, остался голым во дворе дома. Он не получил бы погребения, если бы не дворянин по имени Эрлуэн, который из сострадания взял на себя эту заботу. Похороны состоялись в Кане; когда собирались предать тело земле, внезапно Аскелин, сын Артура, поднялся из толпы и сказал: "Эта земля – место дома моего отца. Этот человек, за которого вы молитесь, отнял ее у него, будучи еще простым графом Нормандии; и отказав ему в каком-либо правосудии, построил на ней эту великолепную церковь. Поэтому я публично требую и препятствую от имени Бога, чтобы тело захватчика было покрыто моей землей и погребено в моем наследстве". Соседи этого человека, свидетельствуя об истинности дела, епископы и бароны уладили с ним, немедленно дав ему шестьдесят экю и пообещав остальное, и слово сдержали[8].

Вильгельм Рыжий не снискал славы; он был лишь грубым и жадным тираном; враг Бога, враг людей, он заставил и норманнов, и англичан возненавидеть королевскую власть, основанную его отцом. Он нападал на Бога, говорит историк, даже в Его святилище, через нечестивые шутки, ставя в споры епископов и раввинов и осыпая обе стороны равной иронией, берясь за определенную сумму вернуть в иудаизм сына еврея, отрекшегося от веры, и, несмотря на тщетность своих усилий, заставляя дать ему половину суммы за причиненный труд. Он получал строгие выговоры от Ланфранка, и когда тот умер, оставил вакантной кафедру Кентерберии. Через своего капеллана Ранульфа, по прозвищу Фламбард, он возобновил все симо-

нические поборы, от которых, казалось, Григорий VII освободил Церковь; бенефиции оставались вакантными, чтобы их доходы шли королю, или предоставлялись только за деньги. Миряне обходились не лучше; новые ограничения были наложены на охоту; смертная казнь грозила любому, кто убьет дикого зверя; собаки были изувечены по приказу короля; пересмотренная "Книга Страшного суда" послужила новым ужесточением против частных состояний; чрезвычайные наборы людей дали повод продавать освобождения от службы. Филипп I был достойным современником Вильгельма. В течение всего своего царствования он заслуживал анафем Церкви. Человек, продажный в делах Божьих[9], он был осужден Григорием VII; в 1092 году он похитил Бертраду, жену графа Анжуйского Фулька Решена, заключил в тюрьму епископа Шартра, который осмелился протестовать, и, будучи одобрен в Реймсе угодливым синодом, осмелел другой синод, проходивший в Отене под председательством легата папы, который объявил его отлученным. При этих королях соперничество двух наций не представляет большего интереса, чем при правлении завоевателя. Поводом по-прежнему является Роберт. Вильгельм, упрекая Роберта в желании свергнуть его, пытается в свою очередь захватить Нормандию (1090); Филипп вмешивается, затем удаляется, унося деньги Вильгельма. Соперничество продолжается между двумя братьями, оно время от времени прерывается необходимостью сражаться с шотландцами и валлийцами, договорами или взаимными уступками. Филипп, призванный Робертом во второй раз (1094), снова позволяет себя подкупить подарками английского короля; Роберт ускользает от превосходящих сил благодаря беспорядкам в Англии. Посреди этих жалких споров крестовый поход был проповедан Петром Пустынником; никакой великий интерес не удерживал в Европе сеньоров Франции и Англии; крестовый поход предлагал рыцарям надежду на благородные приключения и великую религиозную славу.

Норманны в Сицилии. – При восшествии Григория VII норманны завершили завоевание Сицилии; Рожер там мирно правил и очищал страну от следов пребывания мусульман восстановлением христианской религии. Роберт Гвискар, герцог Апулии, еще не уничтожил в Южной Италии последние остатки лангобардов и греков. В 1077 году умер последний герцог Беневентский, Роберт захватил город и территорию и уступил их папе; в том же году амальфитанцы упросили его взять Салерно. Амальфи по праву принадлежала грекам, но фактически была независима; она приняла Роберта герцогом, обусловив сохранение своей древней конституции, что норманнские войска никогда не будут введены в ее стены, и предоставила свои корабли для осады Салерно. Герцог Гизульф, последний принц, носивший еще имя лангобарда, был атакован с суши и моря, вынужден капитулировать, и Салерно увеличило своими землями норманнские владения. Греки сохраняли Тарент, Кастането, Бари и Трани; их оттуда изгнали в 1080 году. Лишь город Неаполь сохранил на несколько лет свою независимость и муниципальное управление.

Ненависть Гвискара к грекам не была утолена; не находя их более в Италии, он стал искать их в самой Греции. Повод ему дало падение Михаила Парапинака[10]. Дочь Гвискара вышла замуж за Константина, сына Михаила, которого Вотаниат лишил престола, как и его отца. Роберт принял лже-Михаила, который требовал отмщения за свое оскорбление и оскорбление Роберта; Боэмунд, сын Роберта, был послан вперед, чтобы тревожить берега Адриатики, дабы отец и сын уподобились саранче и жуку, о которых говорит пророк, и чтобы Роберт уничтожил то, что оставил бы Боэмунд[11]. Роберт наконец прибыл в Бриндизи и, тщетно потребовав восстановления лже-Михаила, собрал тридцать тысяч человек и сто пятьдесят судов и направился к Диррахию (Дурресу). По пути он взял Корфу, и Алексей Комнин, свергнувший в это время Вотаниата, должен был сражаться с Робертом с первых дней своего правления. Поднялась сильная буря, норманнские корабли поглощались морем под тяжестью машин, которые они несли, или разбивались о скалы. Корабль самого Роберта был наполовину разбит. Другой увидел бы в этом несчастье волю Божью, не одобряющую безрассудное предприятие; но

Роберт, с своей исполинской дерзостью, бесстрашный под ударами молнии, собрал обломки кораблекрушения[12] и высадился. Алексей был побежден. Взяв Диррахий, Роберт вернулся в Италию и поручил своему сыну Боэмунду продолжать; гордый юноша, подчиняясь еще менее приказам отца, чем собственной неукротимости, страстно искал случая сразиться с императором, он дважды побеждал его, но победа осталась нерешенной под Ларисой[13]. Боэмунд тогда отступил, чтобы избежать заговора, устроенного Алексеем, но сам Гвискар вернулся в 1084 году. Император умолял о помощи венецианцев. Те, стоя у Пассаро, неожиданно атаковали норманна, сражались издалека и вблизи и победили. Гордое мужество норманна не захотело признать поражение. Венецианцы, слишком самоуверенные, отозвали свои главные силы. Роберт, предупрежденный, атаковал их в свою очередь, потопил их корабли и тринадцать тысяч человек и, по словам Анны Комниной (Алексиада, 6), пытал своих пленников, вырывал им глаза или отрезал носы, ноги или руки. Затем он вторгся на Кефалинию, но это был его последний успех, сильная лихорадка схватила его и избавила греков (1084).

Три норманнских государства заменили на юге Италии греков и лангобардов: это было графство Капуи и Аверсы, герцогство Апулии и графство Сицилии; монархия Обеих Сицилий должна была сложиться только в следующем веке. После смерти Роберта Гвискара его второй сын, Рожер Борса, унаследовал Апулию и Калабрию в ущерб Боэмунду, благодаря ловкости своей матери. Последний, человек жадный и сварливый, не мог терпеливо сносить это лишение. Первая война против брата принесла опустошение землям Тарента, Отранто и Беневента; она закончилась посредничеством графа Сицилийского, дяди обоих соперников; Боэмунд получил важнейшие города Адриатического побережья. Вторая война вскоре разразилась; она длилась, и Боэмунд осаждал Амальфи, когда узнал о выступлении крестоносцев на Восток. Все надежды, связанные со священной войной, прельстили его, и он оставил брату спокойное владение Южной Италией, чтобы отправиться завоевывать княжество в Азии.

Приморские города. – Некоторые города, расположенные на берегу моря, были, так сказать, забыты различными властителями, боровшимися за Италию со времен падения Римской империи; постепенно укрепившись в свободе, они осмелились испытать шансы торговли и таким образом, благодаря росту своего богатства, приобрели гарантию независимости. Амальфи подала пример; будучи фактически свободной до того, как принять своим герцогом Роберта Гвискара, она прославилась мореплаванием вплоть до Сирии, где около середины XI века заложила основы ордена госпитальеров. На севере Италии Венеция, Генуя и Пиза приобрели еще большее значение; им были обязаны изгнанием славянских или сарацинских пиратов, освобождением Адриатики и Тирренского моря; им еще не завидовали в полезных завоеваниях, которые они совершили в свою пользу, сражаясь за общий интерес.

Имя Венеция (Venetia) сначала обозначало все острова лагун, заселенные беглецами из Венетии; но с тех пор как венецианцы, спасаясь от сына Карла Великого, удалились на Риадельто, только этот остров и шестьдесят островков, соединенных с ним мостами, стали называться Венецией; имя народа стало именем главного города. Чтобы избежать власти короля Италии, венецианцы объявили себя подданными греческого императора; впоследствии они, казалось, признали верховенство Людовика Благочестивого, и вскоре уже никому не подчинялись. Титулы ипата или протоспафария императора, иногда посылаемые дожам византийскими государями, или мантия, посылаемая императору Запада венецианцами, обычай, отмененный только при Оттоне III, свидетельствуют менее о зависимости, чем о торговых и дружеских отношениях. Нация сложилась в Риадельто, где дож Анджело Партечиако построил дворец дожей и куда в то же время (816) были перенесены реликвии святого Марка, нового покровителя, нового боевого клича, нового имени Венеции. Затем нация заявила о себе воевыми войнами против сарацин и против славянских пиратов Истрии и тех Иллирии, центром которых была Неретва. За эти услуги, несомненно, она получила от императоров Запада привилегии и изъятия, полезные для ее торговли, которые были подтверждены в 891 году императором

Гвидо. Около 967 года, при доже Пьетро Кандиано III, Венеция была атакована в самых ее лагунах истрийцами; согласно древнему обычаю, бракосочетания главных граждан совершались в день Очищения в одной церкви; пираты, явившись неожиданно, схватили невест и, бросив их на свои лодки, поспешили изо всех сил грести к берегам Истрии. Дож и женихи немедленно призвали народ к мщению; со всех сторон бросаются на корабли, которые встречаются; ветер надувает паруса, пираты, настигнутые в лагунах Каорло, все перебиты, и славное возвращение освобожденных жен становится началом ежегодного праздника. Венецианцы с тех пор задумали уничтожить пиратов, завоевав их притоны; и Пьетро Кандиано III обложил данью города Капо-д'Истрия и Неретву. Внутренние раздоры, последовавшие за этим, замедлили успехи; это были войны народа против дожей или самых знатных семей между собой; они чуть не предали республику иностранцам, иногда призываемым на помощь: соперничество Морозини и Кало Прини поссорило республику с императором Оттоном II, поддерживавшим изгнанного главу Кало Прини. При доже Пьетро Орсеоло II Венеция удвоила свое значение. Города Далмации предлагали республике признать ее власть, если она освободит их от пиратов. Орсеоло (997) без труда принял подчинение Пореча, Пулы, Задара, Сплита и Дубровника; Корчула и Хвар тщетно сопротивлялись. Неретвляне, затем побежденные в своей стране, получили приказ более не выходить в море, уважать венецианские суда, и они возместили победителю свои прежние грабежи. Дож с тех пор назывался герцогом Венеции и Далмации, и каждым городом управлял венецианский магистрат. На следующий год император Оттон III пожелал увидеть Венецию и быть крестным отцом ребенка дожа; он предоставил венецианским купцам освобождение от всех пошлин в своей империи и пользование тремя портами Тревизо, Компальто и Сан-Микеле. В 999 году Василий III и Константин VIII золотой буллой подтвердили им подобные привилегии на всем Востоке; Орсеоло также приобрел союз фатимидского халифа Египта. Венецианские суда уже захватили исключительную торговлю солью и рыбой и распространяли во всех странах Европы товары Востока. Новые внутренние раздоры снова замедлили эти успехи. Семья Орсеоло хотела сохранить как наследство этот титул дожа, который она так прославила; и народ, попеременно благоволивший и противившийся этому притязанию, признавал и изгонял последовательно Оттона и Доменико Орсеоло. Короли Венгрии воспользовались религиозной ссорой между венецианцами и патриархом Аквилеи (1063), чтобы захватить Задар; это было началом длительного соперничества, поводом для которого часто был этот город. Но когда внутренний мир восстановился, Задар был отвоеван; вскоре Алексей Комнин возымел нужду в венецианцах против Роберта Гвискара. Он превзшел в отношении этих союзников щедрость своих предшественников; он объявил, что в Константинополе они будут считаться не иностранцами, но греками, и заставил все суда Амальфи, входившие в порт империи, платить подать церкви Сан-Марко[14].

Никакой памятник не свидетельствует о присоединении Пизы и Генуи к Римско-Германской империи; никакой также не свидетельствует и о начале их независимости. Генуэзцы утверждают, но без формальных доказательств, что их консульское правление установилось при содействии низложения Карла Толстого и последовавшей за этим событием анархии: пизанцы, к которым Оттон II обратился с просьбой предоставить свои корабли для его предприятий в Калабрии, в этом случае, кажется, являются лишь союзниками, а не подданными императора. Благоприятное положение и опасности второго нашествия направили эти народы к морю. Генуя, построенная на горах, среди бесплодных скал, сохранила древнюю лигурийскую привычку бросать вызов волнам и для забавы, и по необходимости. Пиза, в плодородной равнине, сообщаясь через Арно со Средиземным морем, могла получать и отправлять вонне полезные продукты. Сарацины своими угрозами сильнее возбудили деятельность этих моряков; варвары разграбили Геную в 936 году; дерзость араба Мусейта, основавшего колонию пиратов в Сардинии и чуть не уничтожившего Пизу (1005), стала сигналом войны против врагов христианского мира, в которой полностью раскрылось значение обеих республик. Их объединен-

ные силы атаковали Сардинию (1017), и спустя четыре года Мусейт, изгнанный из крепости в крепость, тщетно поддерживаемый арабами Африки, оставил свой остров победителям. Этот первый успех был поставлен под угрозу соперничеством самих союзников; было условлено, что Генуя получит добычу мусульман, а Пиза – завоеванную территорию. Генуя, поняв после завоевания, что доли неравны, захотела поставить другие условия и начала войну против пизанцев. Преимущество осталось за Пизой: став госпожой Сардинии, она разместила там гарнизоны, следила за всеми попытками Мусейта и, чтобы уничтожить их источник, опустошала берега Африки: Карфаген был под угрозой, Бона взята, Мусейт был вынужден принять мир и соблюдать его.

Пират состарился, готовя свою месть, и, обеспеченный поддержкой мусульманской Испании, в 1050 году внезапно напал на гарнизоны Сардинии и перебил их. Эта новость, уничтожавшая труд стольких лет, на мгновение обескуражила республику. После первого испуга мужество вернулось, был заключен новый союз с Генуей, и христианские корабли пристали к Кальяри, единственному городу, который пират еще не отвоевал. Доблесть Мусейта, которую его восемьдесят лет делали еще более удивительной, не предотвратила бегства его людей; он сам упал с лошади и был взят в плен. Освобожденная Сардиния на этот раз была разделена между конфедератами.

Когда папа Сильвестр II, узнав о бедствиях Палестины, призвал народы Европы перенести войну на Восток, Пиза первой предложила себя. Когда крестовые походы были провозглашены в конце XI века, Венеция, Пиза и Генуя были уже привычны по необходимости своей защиты сражаться с неверными. До тех пор отстраненные от великих событий, волновавших мир, республики вмешались в религиозное движение, сделавшее Европу как бы единой нацией; они предоставили свои флоты священной войне и обслуживали морской путь, ведущий на Восток. Однако, благородный энтузиазм, увлекавший воинов, не был побуждением этих купцов; они выступали лишь с осторожностью, рассчитав все материальные выгоды, которые другие народы также получили, но не искали их.

II

Славяне и скандинавы. – Короли и воины севера и востока принимали лишь небольшое участие в крестовых походах на Восток: и, действительно, они должны были иметь свой собственный крестовый поход, не менее полезный, а иногда и славный, против окружавших их языческих народов. Польский князь Болеслав II, победитель в России, но вынужденный вернуть свою армию в Польшу, осмелился принять титул короля в 1077 году, посреди беспорядков в Германии, и сбросить имперский сюзеренитет. Но его безобразия заставили презирать, а вскоре и ненавидеть его; епископ Краковский, напрасно предостерегавший его, отлучил его от церкви; Болеслав тут же убил его ударом меча (1079). Григорий VII отомстил за епископа другим отлучением, освободил поляков от клятвы верности, наложил интердикт на королевство и упразднил титул короля в Польше. Болеслав прожил еще два года под анафемой и был заменен Владиславом Германом (1081). Новый правитель принял лишь титул герцога, просил и получил снятие интердикта и правил спокойно до 1092 года. Но тогда русские восстали против польских войск, которые все еще занимали их территорию, и перебили их. Движение перешло к пруссам, дикому народу Севера, составленному, возможно, из смеси русских и славян; началась война на пять лет. Прусы были побеждены в 1097 году. Но их враждебные выступления и языческая свирепость должны были быть сдержаны лишь рыцарями, прошедшими школу в Святой земле и переброшенными из Иерусалима в Курляндию.

Что касается русских, то после столь славных начал они угасали от внутренних раздоров, смешанных с внешними войнами. Изяслав, восстановленный на киевском престоле после смерти своего брата Святослава, его величайшего врага, погиб в 1078 году от рук своего племянника Олега. Его брат Всеволод сменил его согласно обычаям времени и национальному обычаю, в ущерб своим сыновьям, и едва поддерживал свою власть великого князя над дру-

гими князьями. Постоянно воюя с половцами, он терял и возвращал ту же добычу, не завершая борьбы. Тем временем восточные болгары становились грозными. Этот воинственный народ, знаменитый своим земледелием и кормивший восточные провинции России, захватил Муром. Этот город удалось отвоевать. Но половцы, посреди палящей засухи, опустошили оба берега Днепра, оставив там лишь руины и пепел. Святополк II, сын Изяслава, сменил своего дядю (1093) лишь для того, чтобы вести ту же войну. Объединившись с другими русскими князьями, он трижды побеждал половцев и думал умиротворить их, женившись на дочери их князя. Но Олег, всегда беспокойный, требовал город Чернигов, который принадлежал его отцу Святославу; Владимир, сын Всеволода, уступил его ему, не утолив его честолюбия. Свирепый Олег призывал к себе половцев и позволял опустошать Южную Русь. Города были пусты, деревни преданы огню, церкви, дома, амбары превращены в пепел, люди гибли от вражеского меча или трепеща ждали смерти. Пленники, закованные в цепи, голые, босые, тащились в далекие страны варваров; они говорили друг другу, плача: я из такого-то русского города; я из такой-то деревни. Поля поросли травой, и дикие звери населяли места, прежде обитаемые христианами. Зло усугубилось еще прибытием множества саранчи, уничтожившей урожай [15]. Святополк тщетно собрал в Киеве (1096) русских князей, епископов, игуменов и главных жителей городов, чтобы обсудить общие бедствия. Олег отказался прийти, и собрание не состоялось. Западная Европа ничего не знала об этих несчастьях, а Россия – о проектах крестового похода.

Другое славянское государство, образовавшееся вдоль берегов Балтики, от Дании до Вислы, погибло до конца XI века. Ободриты из Рерика или Мекленбурга (великого города), вагры-ободриты и вильцы, приморские или поморские, были объединены в одну нацию Готшалком (1045) под именем королевства венедов. Готшалк уничтожил язычество, основал церкви и монастыри, признал имперский сюзеренитет; но недовольные восстали (1066) во имя своей религии и независимости. Готшалк был убит, священники и монахи перебиты, и королевство венедов исчезло. Мекленбург получил своих отдельных князей, а Померания распалась на два государства.

Дания, Швеция, Норвегия. – Та же борьба в скандинавских государствах между христианством и князьями с одной стороны и частью народа – с другой. В Дании с 1047 года правила династия Эстридсенов. Свен II, умерший в 1076 году, оставил семерых детей. Харальд IV, по прозвищу Мягкий, правил первым и был заменен в 1080 году своим братом Кнудом IV; неумолимый враг древних датских нравов, Кнуд карал смертью убийство, воровство, насилие на публике, и каждый частный проступок – талионом; мятеж, неповиновение народа – непременно взыскиваемыми штрафами. Он был не менее строг во взимании церковной десятины. Застигнутый убийцами в церкви Оденсе, он не прекратил молитвы, несмотря на камни, брошенные в него, пока дротик не пронзил его (1086). Кнуд – святой и протомученик Дании. После него правили его два брата Олаф, по прозвищу Голод, и Эрик III (1095), по прозвищу Добрый. Последний во время первого крестового похода предпринял путешествие в Иерусалим и умер в пути.

В то время как Норвегия жила в мире до смерти Олава III (1093), и при его сыне Магнусе III завоевывала королевство Островов, состоявшее из Гебрид, Оркнейских островов, Англси и Мэна: род Стэнкеля, восстановленный в Швеции после смерти Хакона Рыжего (1079), трудился над уничтожением язычества. Но народ, восстав против доброго Инге, дал себе короля Свена Жреца. Новый король восстановил повсюду богов. Инге, скитаясь три года, собрал друзей, внезапно напал на Свена и убил его. Христианство восторжествовало во второй раз, и храм Уппсалы был сожжен; это было главное святилище шведских язычников. Инге трудился для христианства до своей смерти (1112) и, таким образом, совершил свой крестовый поход на Севере.

Примечания:

[1] Анна Комнина, Алексиада, кн. 3. [2] Алексиада, 5. [3] Алексиада, 7. Михаил Глика. [4] Алексиада, 5. [5] Жак де Витри, кн. 3. [6] См. Шёлль. [7] В том месте, где сегодня находится церковь Сен-Жерве; от монастыря остались лишь фундаменты, недавно обнаруженные. [8] Ордерик Виталий. [9] Гибер де Ножан. [10] Мы уже говорили об Анне Комниной и ее ужасе при одном только рассказе о дерзости и криках Гвискара. Ее ужас и ненависть проявляются еще лучше в следующем рассказе: Когда он готовил свою экспедицию против империи, тиран превзошел жестокость Ирода, которому подражал в отношении детей. Жалкое зрелище представляли собой бессильные дети и ослабевшие старики, которые никогда не думали об оружии даже во сне, внезапно обремененные панцирем, смущенные щитом и луком, который они не умели ни натянуть, ни спустить; их слабость мешала им идти, и они падали ниц. Это были стоны и причитания по всей Ломбардии. Ярость этого тирана превзошла ярость Ирода, ибо Ирод удовлетворялся тем, что обрушился на детей, этот же в своем безумии нападал на все возрасты. В другом месте – сражение между императором Генрихом IV и союзниками папы Григория VII. Кровь течет там так обильно, что равнина становится озером, и воины, сброшенные с коней, тонут в крови. [11] Анна Комнина. – Иоиль, пророк, 1-4. [12] Анна Комнина, 3. Вся книга 4 посвящена осаде Диррахия. [13] Анна Комнина, 5, *passim*. См. *Gesta Tancredi apud Martène*, III. [14] Дару, История Венеции. [15] Нестор.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

О первых трёх крестовых походах, Греческой империи и мусульманских государствах. — Пётр Пустынник, Готфрид Бульонский, Боэмунд; основание Иерусалимского королевства; рыцарство, ордена. — Зенги и Нур ад-Дин, святой Бернард, Конрад III и Людовик Молодой. — Саладин, Ричард Львиное Сердце, Филипп Август.

I

Мать Константина, святая Елена, обретя истинный Крест и построив в Иерусалиме церковь Гроба Господня, указала святому городу, колыбели веры, на уважение и почитание всех христиан. С того дня вся земля посылала паломников, которые посещали страны, освящённые стопами Спасителя и озарённые Его учением. Но свобода путешествия начала стесняться, когда «мерзость запустения» вошла в святое место с мусульманами Омара. Рвение Карла Великого выпросило у Гаруна ар-Рашида покровительство, которое предоставляли и другие Аббасиды. Паломники Римской церкви были приняты в странноприимном доме, состоящем из двенадцати домов, окружённом полями, виноградниками, садами, и в долине Иосафата. Но империя Аббасидов распалась: каирский халифат, во имя Али, встал напротив багдадского халифата; турки вторглись между Исмаилом и аль-Аббасом, и начались гонения. Хаким пролил христианскую кровь в Египте и Сирии, и папа Сильвестр II, видевший эти бедствия, заговорил от имени Иерусалима, скорбящего о своих пленённых детях, и призвал Европу к оружию. Пизанцы, генуэзцы, король Арля откликнулись: флот пришёл опустошать побережье Сирии; но эта тщетная попытка ещё более разожгла ненависть Фатимидов; христианские обряды были запрещены в Иерусалиме, и церковь Гроба Господня разрушена.

Паломники хлынули на эту весть, воодушевлённые гонениями, чтобы утешить своих братьев. Хаким умер, и при лучшем халифе поверженная Церковь восстала из своих руин, подобно Иисусу Христу из гробницы. Даже сам Роберт Дьявол, облачившись в посох и власяницу покаяния, босой, среди своих баронов, посетил Сион, Елеонскую гору, долину Иосафата, Вифлеем, где родился Спаситель, Фавор, где Он воссиял в славе Своей, и Иордан, где Он был крещён. Все они шли без страха, устремляясь на Восток, иногда многочисленными толпами, вооружённые своей верой, и говорили Богу: «Господи, помилуй христианина неверного и клятвопреступника, грешника, блуждающего вдали от своей страны». Никаких насилий на их пути; они покинули свои жилища не для преступного умысла; они стремились исполнить свою веру: даже мусульмане были поражены восхищением. И когда они наконец прибывали, преклоняя колени на Елеонской горе, простирая руки к небу, они восклицали: «Слава Тебе, Господи». Они не хвалились своими трудами; они думали о тех, кто следует за ними и кому нужно помочь.

Забота о паломниках, ещё находящихся в пути, была долгом прибывших христиан. В Иерусалиме возводились странноприимные дома: около 1048 года купцы из Амальфи построили близ церкви Гроба Господня монастырь и госпиталь для паломников своей нации. Латинские монахи, поселившиеся там, избрали своим покровителем Иоанна Крестителя и назвались братьями-госпитальерами Святого Иоанна Иерусалимского. Все эти дома жили за счёт милостыни с Запада. Каждый год монахи приезжали с Востока собирать подаяния милосердия.

Всё было снова нарушено турецким владычеством Алп-Арслана и Малик-Шаха. Михаил Парапинак просил помощи у Запада; Григорий VII желал смерти, услышав рассказ о стольких бедствиях; он воскликнул, что предпочитает погибнуть, освобождая Святую землю, нежели властвовать над вселенной. Но голос его, казалось, терялся среди шума германского оружия, дерзкого сопротивления виновного духовенства и мук Рима, три года находившегося в осаде. Наконец, когда после Виктора III Урбан II крепкою рукою схватил наследство Григория VII, перед ним предстал бедный отшельник по имени Пётр. Он видел седины Симеона, патриарха Иерусалимского; они плакали вместе и вместе утешались надеждой. Он слышал самого Иисуса

Христа, говорившего ему: «Встань, Пётр, беги возвестить о бедствиях народа Моего; пришло время помочь слугам Моим и освободить святые места». Папа принял его как пророка и послал возвестить Европе, что необходимо помочь Иерусалиму.

Отшельник пересек Италию и, перейдя Альпы, явился по всему Западу. Когда видели его на его муле, с распятием в руке, босого, с непокрытой головой, тело опоясанное толстой верёвкой, – почитали его милосердие, суровость его жизни, удивительную речь его. Счастлив был тот, кто мог коснуться его одежд или вырвать несколько волос с его мула. Когда он говорил, когда рассказывал о поруганных святых местах или повторял свои рыдания над скалой Голгофы, которые слышали ангелы, – он умиротворял ненависть в семьях, заставлял краснеть порок и побуждал помогать бедным. Если он встречал христианина, изгнанного с Востока, – вот его речь: он показывал своего изгнанного брата, приподнимал его лохмотья, и дело неверных турок, волнуя все сердца, заставляло народ возвышать глас к Богу и просить милости для Иерусалима, одни молясь, другие предлагая своё богатство. Наконец, когда не хватало слов, когда не было изгнанного христианина, чтобы показать, – были его обильные слёзы, его грудь, которую он бил, его распятие.

Рыцарство родилось из феодальной жизни. Сюзерен обычно собирал в своём домене, вокруг своей особы, сыновей своих вассалов, которых воспитывал вместе со своими. Когда эти юноши достигали зрелого возраста, сеньор предоставлял им право носить оружие через религиозную церемонию, дававшую им понять благородство их новых обязанностей. Кандидат, лишённый одежд, погружался в купель, и после этого очищения облачался в белую тунику, символ чистоты, в красную одежду, символ крови, которую должен пролить за веру, в чёрный шёлк, символ смерти. После двадцати четырёх часов поста и ночи молитвы в церкви он исповедовался, причащался, присутствовал на мессе Святого Духа, слушал проповедь об обязанностях рыцарей, получал от священника благословение меча, повешенного на его шею, и преклонял колени перед своим сеньором. Пообещав хорошо исполнять все свои обязанности, он получал шпоры, хауберг или кольчугу, кирасу, наручи и перчатки, меч и акколаду (объятие) сеньора или три удара плашмя мечом по плечу или затылку. Наконец, ему подносили шлем, давали коня, он вскакивал на него и выезжал из церкви, сверкая своим мечом. Бояться Бога, хранить христианство до смерти, сражаться и умирать за веру, оставаться верным государю, защищать слабых, вдов, сирот – таковы были главные обязанности; всякая корыстная нажива, всякий союз с иностранным государем, всякое насилие были ему запрещены.

Рыцарство поэтому с жаром приняло надежду отвоевать град Божий, освободить сограждан Иисуса Христа. Но повсюду проявлялся равный энтузиазм. Видели, как старцы вновь брались за оружие, а дети упражнялись в обращении с копьём. В то же время император Алексей Комнин посылал западным христианам мольбы, полные скорби. Он изображал врагов природы и человечества у ворот Константинополя, неминуемое вторжение турок в христианское царство, самое постыдное, самое грозное из всех бедствий. Он дошёл до того, что предлагал свою корону латинским князьям; ибо если уж терять её, то лучше было бы в пользу христиан.

Урбан II собрал собор в Пьяченце (1095); там появились греческие послы; прибыли двести епископов или архиепископов, четыре тысячи духовных лиц, тридцать тысяч мирян; говорили о священной войне, слушали жалобы Берты, жены императора Генриха IV (см. гл. XVI, § 2); предали анафеме антипапу Климента III: но ничего не было решено для Палестины. Первосвященник перебрался во Францию и собрал другой собор в Клермоне: город не мог вместить толпы; соседние деревни наполнились народом; среди полей были раскинuty палатки. Обновлённое Божье перемирие, навязанные мир и правосудие, отлучение короля Франции за похищение Бертрады – никто не возражал. Но когда папа, поставив рядом с собой бедняка Петра, дал ему слово, а затем сам взял его, красноречиво говоря от имени христиан Азии, – в собрании раздался лишь один крик: «Так хочет Бог, так хочет Бог!..». «Да, – ответил первосвященник, – так хочет Бог. Он обещал быть среди верных, собранных во имя Его, и вот Он

Сам вложил вам эту речь в уста». Он подал им крест; кардинал произнёс формулу исповеди, все пали на колени и получили отпущение грехов.

Епископ Пюи, Адемар де Монтейль, первым пожелал вступить на путь Божий и получил крест из рук папы: прочие украсили свою одежду красным крестом и приняли имя крестоносцев, *porte-croix*. Вскоре во всём Западе не знали иных слов: «Кто не несёт креста своего и не следует за Мною, тот недостойн Меня».

Постановления Клермонского собора обещали всем крестоносцам отпущение грехов; Церковь брала под свою охрану их личности, их семьи, их имущество; долги приостанавливались на время путешествия в Святую землю. Крестовые походы были великим Божиим перемирием, первым обузданием феодального беспорядка. Поэтому повсюду бедняки, угнетённые, без тревоги, заставляли священников благословлять кресты, как Бог благословил жезл Аарона, ужас для мятежников и нечестивых. Папа назначил отъезд на праздник Успения 1096 года. Но нетерпеливая толпа не стала ждать отъезда князей и баронов. Три армии предшествовали настоящему крестовому походу; мужчины, женщины, дети – все двинулись на Восток. Одних ведёт Пётр Пустынник, других – Готье Неимуций, третьих – Готье де Паксейо. Эти последние были истреблены в Венгрии. Готье Неимуций добрался до Константинополя и к нему присоединился Пётр Пустынник. Но уже греки боялись тех, кого призывали. Это была, по словам Анны Комниной, «стая саранчи». Император поспешил переправить их в Азию: сельджукиды истребили их и построили из их костей город. Три другие шайки, сформировавшиеся в Германии, не имели лучшей участи и были истреблены в Венгрии.

Однако князья были готовы. Во Франции: Раймунд Сен-Жильский, граф Тулузский, отрекавшийся от родины ради Гроба Господня; Гуго, брат короля Филиппа I; Роберт Нормандский, брат Вильгельма Рыжего; Роберт, граф Фландрский; Ротру II, граф де Перш; в Италии: Боэмунд, сын Гвискара, и его племянник Танкред; в Германии: Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии. Этот последний всё продал для службы кресту: своё герцогство Лотарингию – графу Лимбургскому, своё герцогство Буйон – капитулу Льежа. Он стал главой этого крестового похода. Его братья Балдуин и Евстахий следовали за ним с восьмьюдесятью тысячами людей из Лотарингии и Германии. Адемар де Монтейль, папский легат, представлял папу в этой экспедиции. Общим местом сбора был Константинополь. Все направились туда разными путями: Раймунд Сен-Жильский – через Славонию, Готфрид – через Германию и Венгрию; прочие французы и норманны сели на корабли в Бриндизи вместе с Боэмундом. Готфрид дал своего брата Балдуина королю Венгрии в заложники за умеренность крестоносцев. Но Алексей Комнин, которого ничто не могло успокоить, велел схватить француза Гуго, выброшенного кораблекрушением на берега Греции. Крестоносцы были уже для него не теми благодетельными союзниками, которых он призвал; это было целое племя варваров, обитающих на западе вплоть до Геркулесовых столпов, поднявшееся и собравшееся в единую массу, пробивавшее себе путь в Азию насилием. Готфрид, прибыв в Филиппополь, потребовал освобождения Гуго; ответа не последовало; тогда он дал волю своей армии; она восемь дней опустошала Фракию. Алексей обещал освободить Гуго, как только крестоносцы приблизятся к Константинополю; армия Готфрида стала обращаться с греками как с союзниками. Между тем император принуждал Гуго признать себя его вассалом и принести ему присягу. Гуго уступил и был отпущен; но крестоносцы вознегодовали на это, и Константинополь услышал их крики.

Ужас удвоился при виде многочисленной армии, гордо расхваливавшей свою помощь. Все они носили варварские имена, неприятные для византийского слуха. Анна Комнина извиняется за написание этих имён в истории, ссылаясь на пример Гомера, чья мягкая и нежная поэзия, однако, допустила имена беотийцев и диких островов. Они не знали языка греков; когда их просили по-гречески не бить людей их же религии, они отвечали стрелами. Они были вооружены тзангрой – варварским луком, изобретением дьявола на погибель человеку, который был сделан не как другие луки. Нужно было сесть, чтобы натянуть его, упереться двумя

ногами в дерево, тянуть тетиву двумя руками, и из трубки, прикреплённой к этой тетиве, вылетали стрелы, окованные железом, которые пробивали щиты, медные статуи, стены городов. Император, столь же напуганный, как и его дочь, но более ловкий, приглашал их переправиться в Азию: они отказывались; они ждали Боэмунда, который только что высадился близ Диррахия. При этом имени ужас возобновлялся; хорошо знали, что не все христиане, предпринявшие священную войну, хотели разрушить Константинополь; но Боэмунд делал из религии предлог, чтобы уничтожить императора и отомстить за свою сомнительную неудачу при Лариссе; и коварство норманна, его вероломные беседы увлекли франков, его друзей, нападать на христиан, в то время как турки угрожали. Пока император требовал от крестоносцев вассальной присяги, Боэмунд издали подстрекал Готфрида к войне. Готфрид отказался и, по совету Гуго де Вермандуа, решился принести присягу, обещая возвратить империи все города, которые отнимет у варваров. Его пример увлёк других вождей; император в этом нуждался, чтобы не умереть со страху. Их было так много, что лучше бы, по словам Гомера, считать блестящие звёзды ночи, пески берега или листья и цветы, рождаемые весной. После Готфрида прибыли граф Фландрский, герцог Нормандский, граф Шартрский. В день, когда они должны были принести присягу, все собравшись, один из графов, истинно благородный, пошёл и сел рядом с императором на трон. Балдуин, взяв его за руку, сказал: «Ты дал торжественную клятву верности императору и осмеливаешься сидеть рядом с ним. Разве не знаешь, что римские императоры не допускают к участию во власти тех, кто им подчинён? Соблюдай хотя бы обычаи страны, где мы находимся». – «Истинно, – ответил другой на своём языке, – посмотрите же на этого мужика, который сидит один посреди стольких стоящих военачальников». Император заметил движение его губ и услышал, что он что-то проворчал; он велел перевести это через толмача, и когда графы удалились, призвал к себе этого гордого и наглого латинянина и спросил, кто он, из какой страны, какого рода. «Я чистый франк, – сказал латинянин, – и из благородных. Я знаю лишь одно: в стране, откуда я родом, на перекрёстке трёх дорог есть давно построенная церковь, куда тот, кто желает сразиться один на один с другим в поединке, приходит просить помощи Божией, поджидая своего противника. Я долго пребывал на этом месте, ища противника, и никто не осмелился прийти». – «Что ж, – возразил император, – если вы искали войны и не нашли, вот время, когда войны вам не будут изменять. Я дам вам лишь один совет: не становитесь ни во главе, ни в хвосте армии, становитесь в центре; я издавна знаю манеру сражения турок».

Наконец прибыл Боэмунд со своими мощными руками, мясистыми ладонями, зелёными глазами, широкими ноздрями и угрожающей дрожью. Анна Комнина так испугалась его, что не посмела вблизи разглядеть цвет его бороды, потому что он был с выбритым подбородком. «Я был твоим врагом, – сказал он императору, – и твоим заклятым врагом; но я пришёл сегодня предложить тебе свою дружбу навеки». – «Вы, должно быть, устали от путешествия, – ответил Алексей. – Вам нужно отдохнуть и позаботиться о своём теле. У нас будет время затем побеседовать». Его проводили в комнату, где были поданы две трапезы: одна приготовленная, другая сырая. «Таков наш обычай, – сказал император, – готовить определённым образом то, что мы едим. Если наша кухня вам не подходит, вот мясо, которое не приготовлено; сделайте его по своему вкусу и кем хотите». Как он ни старался, ему не удавалось избежать подозрений норманна; Боэмунд начал с того, что предложил мясо имперским чиновникам и ел лишь после них, когда убедился, что ничего не отравлено. Между тем император потребовал от него той же присяги, что и от других; он принёс её, но заставил заплатить за это. Его водили по дворцу, показывали залы, полные богатств; едва оставалось место, чтобы войти. «Будь я владельцем всех этих божественных вещей, – сказал Боэмунд, – я бы быстро завоевал города и королевства». Император немедленно послал их ему. «Я хотел бы, – сказал тогда Боэмунд, – быть домастиком схол». Император содрогнулся; он знал, к чему это ведёт. Это был путь к трону, которым пришёл к нему сам Алексей. Он поспешил ответить: «Ещё не время, Боэмунд, нужно,

чтобы ваша доблесть доказала себя на глазах у всех и чтобы общая молва повелела мне этот выбор. Безопаснее достигнуть этого по общему признанию, нежели по милости государя, всегда подверженной зависти». Боэмунд дал обмануть себя многочисленными подарками, которые должны были заставить забыть об отказе. Но император всё дрожал; Раймунд Сен-Жильский отказался от присяги; Танкред даже не вошёл в Константинополь. Алексей поспешил собрать вождей крестоносцев, чтобы ознакомить их с нравами турок, их хитростями, их манерой сражаться; и он наконец увидел, как они переправляются через Босфор (1097). К крестоносцам присоединился Пётр Пустынник, избежавший гибели своих людей.

В то время правил страной Рум Кылыч-Арслан. Он укрепил Никею и призвал на защиту своего большого города храбрейших мусульман. Озеро, сообщавшееся с морем, касалось города с запада, широкие рвы, наполненные водой, окружали его перед двойной стеной, усеянной тремястами семьюдесятью башнями. Султан, стоявший лагерем на соседних горах, мог считать в равнине армию крестоносцев, хауберги баронов и рыцарей, шарфы оруженосцев, копья, палицы, пращи, кинжалы милосердия простых воинов. Первые приступы были отбиты, но мусульманская армия, шедшая на помощь, была обращена в беспорядок после того, как убила две тысячи христиан. Осада велась более энергично среди горячей смолы и кипящего масла, которые потоками лились со стен: били стены машинами, подвигали подвижные башни, с которых можно было видеть всё, что происходит в городе; наконец, подкопали крепость, которая обрушилась с ужасным грохотом. Жена султана хотела бежать через озеро, её взяли в плен; город готов был сдаться крестоносцам, когда увидели знамёна Алексея на осаждённых стенах. Император, подобно птице, которая ищет пищу по следам льва, продвинулся к лагерю крестоносцев; он послал им отряд, в то время как вёл переговоры с жителями города. Запугав осаждённых местью латинян, он добился для себя их покорности. Крестоносцы даже не вошли в Никею, освобождённую ими. Подарки успокоили их. Даже Танкред, вынужденный советами Боэмунда, принёс присягу императору, но с угрозами.

Однако турецкая мощь отступала, нужно было отбросить её за Иерусалим. Армия, разделённая на два корпуса, шла через горы Малой Фригии, когда появился Кылыч-Арслан с новой армией, чтобы отомстить за Никею. Один из христианских корпусов отдыхал после долгого пути близ Дорилея, но крик тревоги разбудил Боэмунда. Едва он успел приготовиться, как турки, спускаясь с высот, осыпали стрелами лошадей. Христианские всадники хотели броситься навстречу, турки рассеивались, избегали рукопашной и, возвращаясь, чтобы тревожить на всех пунктах, разделяли внимание неуверенностью, в то время как султан производил диверсию на христианский лагерь. Роберт Парижский, тот самый, что садился на императорский трон, погиб как бы в наказание за свою дерзость; брат Танкреда был пронзён стрелами, копьё Танкреда было сломано; Боэмунд возвращается в лагерь, гонит султана к его армии. Нормандский Роберт, крича: «Ко мне, Нормандия!», увлекает своих вперёд; женщины бегут по рядам; наконец появляется другая христианская армия: это граф Фландрский, Гуго де Вермандуа, Готфрид Бульонский. При свете, брызнувшем от их шлемов и мечей, при звуке их барабанов и труб, султан приказывает отступление и отходит на высоты. Но мёртвые христиане будут отомщены. Крестоносцы вновь выстраиваются в боевой порядок; апостольский викарий воодушевляет их, они восклицают: «Так хочет Бог!». И горы повторяют: «Так хочет Бог!». Наконец они приходят в движение. Турки, неподвижные от изумления, на неудобной местности, без стрел, опрокинуты при первом ударе и бегут через скалы. Их лагерь, находившийся в двух лье оттуда, был занят; крестоносцы, тотчас вскочив на вражеских лошадей, преследовали султана до вечера.

Турки научились уважать христиан; они начали говорить, что те тоже из рода франков, и что война принадлежит только франкам и туркам; но враг более страшный – это незнакомая страна, которую султан опустошал, чтобы уморить крестоносцев голодом. Голод, жажда давали себя чувствовать, лошади гибли; рыцари, шедшие пешком под тяжестью своего ору-

жия, были счастливы иногда взгромоздиться на ослов или волов; бараны, козы, свиньи, собаки несли поклажу. Однако они дошли до Антиохии Писидийской, и вскоре Балдуин достиг Тарса. Его знамя уже развевалось там; турки обещали сдаться, если им не будет оказана помощь. Но ссора между Балдуином и Танкредом удалила их обоих, и надежда на княжество погнала Балдуина до самого Эдессы. Один армянский князь, Панкратий, бежавший из константинопольской тюрьмы, чтобы присоединиться к армии крестоносцев, воспламенил пылкую душу брата Готфрида; он показал ему Киликию и рассказал, что за нею Тигр и Евфрат образуют Месопотамию, где человеческий род начался в земном раю. С несколькими воинами, столь же пылкими, как и он сам, Балдуин покинул ночью армию крестоносцев, быстро появился в Армении, напугал турок, заставил открыть ему малые города, и когда он приблизился к Эдессе, греческий правитель, данник неверных, епископ и двенадцать знатнейших жителей умоляли его о помощи. У него оставалось лишь сто всадников; его приняли с ликованием. Князь Эдесский принял его как сына, и вскоре был изгнан самим народом. Балдуин, победитель турок и освободитель города, основал таким образом княжество Эдесское, независимое от греков и турок; часть Месопотамии и оба берега Евфрата подчинились франкскому рыцарю.

После битвы при Дорилее никакой враг более не останавливал похода крестоносцев; ужас открыл им все проходы Таврских гор, где одна природа противопоставила их терпению невыносимые тяготы. Вид Сирии оживил их, и турки, разбитые на мосту через Оронт, побежали возвестить в Антиохию о прибытии христиан. Осада казалась трудной. Стены заключали четыре холма; на самом высоком – цитадель, господствовавшая над городом и осаждающими, и гарнизон, усиленный турками из соседних городов. Крестоносцы пересчитали себя и нашли, что их менее ста тысяч вооружённых. Однако осада была предпринята; каждая нация со своим военачальником во главе выбрала свой пост. Турки сперва обманули их кажущимся бездействием, затем, сделав вылазку, захватили нескольких паломников, тела которых их машины забросили в середину христианской армии. Стали следить с большим тщанием, но продовольствия не хватало, дожди портили луки, ветры опрокидывали палатки. Решили совершать частые экспедиции в окрестности, чтобы найти продовольствие; приносили большое количество, но столько его быстро пожирали, что приходилось начинать без отдыха. К тому же, присоединившаяся страшная смертность подрывала мужество; Боэмунд с трудом ободрял этих малодушных христиан, священники не успевали совершать погребения. Среди этих бед халиф Египта встревожил армию предложением. Поскольку крестоносцы требовали только Иерусалим, он обещал восстановить церкви христиан, покровительствовать их богослужению, открыть двери всем паломникам, которые явятся безоружными. При этом условии он будет их союзником; в противном случае поднимет Египет и Эфиопию и всех, кто обитает в Азии и Африке от Кадеса до Евфрата.

Предложение было отвергнуто. Крестоносцы, победив турецкий отряд, послали халифу в ответ головы и доспехи двухсот мусульман. Вскоре флот генуэзцев и пизанцев привёз продовольствие, великая победа отомстила за христиан, которых турки преследовали в городе: победители предоставили перемирие, не замечая, что у осаждённых будет время запастись продовольствием.

Боэмунд не забыл примера Балдуина. Во время перемирия христиане и турки посещали друг друга. Боэмунд встретил одного армянина, отрёкшегося от христианской веры и защищавшего башню Антиохии. Ренегат оплакивал своё малодушие, Боэмунд увещевал его загладить его великой услугой, и армянин пообещал сдать город. Норманд собрал князей, предложил подкупить какого-нибудь врага и потребовал владение Антиохией для того, кто будет иметь счастье ввести туда христиан. Угадали его намерения, отвергли с презрением; но распространившаяся им весть о грозной армии, посланной из Персии, три письма армянина, обещавшего сдать башни, взяли верх над великодушием графа Тулузского, который хотел преуспеть лишь оружием; согласились, пообещали Боэмунду княжество Антиохийское. На следующий

день, в то время как осаждённые, обманутые ложным манёвром, надеялись на своё избавление и предавались сну, с башни спускается верёвочная лестница, Боэмунд хватается за неё и взбирается; крестоносцы, после мгновения колебания, следуют за ним. Антиохия захвачена и оглашается криком «Так хочет Бог!». Десять тысяч жителей погибло в эту ночь. На рассвете знамя Боэмунда развевалось на самой высокой башне (1098).

Но одна крепость оставалась занятой турками, и спустя три дня появилась армия султана Баркиярука. По его зову поднялись Хорасан, Мидия, Вавилония; Каванс ад-Даула Кербуга вёл за собой султанов Алеппо и Дамаска, двадцать восемь эмиров Персии, Палестины, Сирии и триста тысяч человек. Крестоносцы хотели рискнуть битвой, были отбиты и осаждены в свою очередь. Богатства, отнятые у турок, не давали хлеба; убили выючных животных, рыцари убили своих коней; другие хотели бежать, несмотря на прозвища Иуды и канатных плясунов, которыми их награждали самые храбрые. Император Алексей, выступивший на помощь крестоносцам, узнав об их бедствии и силе мусульман, приостановил свой поход, а его солдаты опустошили его собственную территорию. Кербуга, полный дерзости, переходил рвы и стены и убивал христиан на улицах. Боэмунд, князь Антиохийский, истощал себя в тщетных подвигах; чтобы воодушевить своих на битву, он велел поджечь несколько кварталов, и не приобрёл ничего, кроме разрушения дворцов или церквей, построенных из ливанского кедра, тирского хрусталя и кипрской меди.

Вдруг марсельский священник Бартелеми пришёл рассказать о видении. Апостол Андрей сказал ему: «Иди в церковь брата моего Петра, в Антиохию; ты найдёшь близ главного алтаря, врываясь в землю, железо копья, которое пронзило бок Искупителя. Это железо, пронесённое во главе армии, освободит христиан». Стали копать, нашли железо: радость христиан возвестила их победу. Вожди, предложившие Кербуге поединок или общее сражение, заставили мусульманина расхохотаться. Но после ночи молитв и покаяния, в день праздника святых Петра и Павла, открываются ворота, и христианская армия выходит двенадцатью отрядами в честь двенадцати апостолов; Раймунд Сен-Жильский нёс святое копье. Кербуга играл в шахматы; он снова рассмеялся над безумием этих нищих и, заметив Боэмунда, который оставался с резервным отрядом близ Оронта, приказал султанам Алеппо и Дамаска атаковать его, в то время как сам он примет удар армии, чтобы раздавить христианский народ между двумя жерновами. Но Боэмунд, поддержанный Готфридом и Танкредом, отбросил обоих султанов до лагеря Кербуги. С другой стороны, сам Кербуга уступал; Танкред, подобный леопарду, насыщающемуся кровью в овчарне, Готфрид, чей меч сверкал как молния, наносили неотразимые удары; берега Оронта были усеяны мусульманами, побросавшими оружие. Кербуга бежал к Евфрату, оставив на поле битвы сто тысяч человек и все богатства своего лагеря. Победа христиан показалась столь чудесной, что триста мусульман отреклись от пророка и пошли объявлять в городах Сирии, что Бог христиан есть Бог истинный.

Крестоносцы отдали Антиохию Иисусу Христу, восстановили там христианское богослужение, оставили там Боэмунда и возобновили свой путь к Иерусалиму, уменьшившись из-за своих страданий, своих побед и из-за отсутствия тех, кто бежал или остался в Антиохии. По дороге они взяли Мааррат ан-Нуман между Хаматом и Алеппо и принудили эмира Триполи платить дань, следуя всегда вдоль побережья, где пизанцы и генуэзцы подвозили им продовольствие. Беспорядки, которые порой волновали христианскую армию и навлекали на неё гнев Божий, исчезли. Все были храбры, воздержанны, терпеливы, милосердны или старались быть таковыми. Они пересекли земли Бейрута, Тира и Сидона, получая продовольствие от самих мусульман, которые просили их пощадить красу своих территорий, свои сады и фруктовые деревья. Они появились перед Птолемаидой (Аккой); эмир дал им припасы и поклялся сдаться, когда они овладеют Иерусалимом. Поприветствовав вершины Ефремовы, они овладели Лиддой, местом мученичества святого Георгия; поставили там епископа и священников, чтобы чтить Бога под покровительством мученика; коснулись Эммауса и велели Танкреду водру-

зять христианское знамя на стенах Вифлеема в тот час, когда Спаситель родился и был возведён пастухам. Наконец, несколько голосов паломников возопили: «Иерусалим!», и при первых лучах дня святой город предстал перед ними.

Это был уже не древний Иерусалим, какой осаждал Тит: дочь Сиона была урезана. Но он заключал ещё четыре холма, среди прочих – Голгофу, центр мира для греков, украшенный церковью Воскресения. При приближении крестоносцев наместник халифа Фатимида окружил себя пустыней, чтобы уморить их голодом; он засыпал или отравил цистерны, вырыл рвы, починил стены и башни и собрал сорок тысяч человек. На следующий же день крестоносцы разделили между собой осаду; но первый приступ был отбит; не хватало машин; к счастью, обнаруженная пещера, несколько соседних домов, разобранных, дали балки; но работы не продвигались. Жгучая жажда под солнцем Палестины и пыль, поднимаемая южными ветрами, пожирала людей и лошадей с быстротой адского пламени; некоторые кричали, катаясь по земле: «Иерусалим, пусть стены твои падут на нас, и пусть святая пыль твоя покроет кости наши!». Но по крикам «Так хочет Бог!» они поднимались, чтобы бежать в Яффу, куда генуэзский флот только что доставил продовольствие, и в землю Самарии, где деревья было вдоволь. Падающие под топором деревья, повозки, запряжённые верблюдами и нагруженные лесом, входящие в лагерь, вернули мужество, и ужас жажды стал терпимым благодаря надежде, что она кончится. Машины быстро возводились. Были сделаны три башни с тремя ярусами; первый предназначен для рабочих, направлявших движения, второй и третий – для воинов, которые должны были вести приступ; подъёмный мост опускался с вершины на стену.

Святой город, без сомнения, был бы закрыт для виновных; священники разошлись по лагерю, утешая несчастных и рекомендуя братскую любовь. Условились обойти вокруг Иерусалима процессией, как Иисус Навин вокруг Иерихона. После трёх дней строгого поста все вышли вооружённые, босые, с непокрытыми головами, под звуки труб и предшествуемые образами святых; с Елеонской горы они созерцали равнины Иерихона, берега Мёртвого моря и Иордана и святой город у своих ног. «Вот, – сказал им капеллан герцога Нормандского, – наследие Иисуса Христа, попираемое нечестивыми, вот предел ваших трудов»; и когда он увещевал их к милосердию, Танкред и Раймунд Сен-Жильский, часто подававшие соблазн своими ссорами, обнялись перед всем войском. В этот миг увидели на стенах сарацин, которые поднимали кресты в воздух и осыпали их оскорблениями. Тотчас Пётр Пустынник: «Вот Иисус Христос, умирающий на Голгофе; неверные распяли Его вторично». Вся армия взволновалась при этом голосе, как и на земле Европы, когда Пётр в скорби потрясал своим распятием. Они возвращались мимо гробницы Давида и купальни Силоамской, воспевая слова пророка: «Западные будут бояться Господа, а восточные увидят славу Его».

Это произошло в пятницу, в три часа, в час, когда умер Спаситель (25 июня 1099 г.). Накануне сопротивление мусульман равнялось христианской доблести. Башня Готфрида наконец приблизилась к стенам среди града камней, стрел, греческого огня, и её подъёмный мост опустился, давая проход воинам. Готфрид прибыл туда третьим, и город был захвачен. Его люди, сломав ворота Святого Стефана, толпа крестоносцев устремляется внутрь; сарацины, собравшись на мгновение от отчаяния, спасаются как могут, одни – в мечетях, другие – бросаюсь с высоты стен. Иерусалим освобождён.

Побоище было ужасным и длилось восемь дней. Один лишь Готфрид воздержался от него после победы, чтобы пойти безоружным и босым в церковь Воскресения. Его пример приостановил в тот день прочие расправы; все поклонились Гробу Господню и воспели слова Исайи: «Вы, любящие Иерусалим, радуйтесь с ним». Но месть возобновилась на следующий день; иудеи, палачи Иисуса Христа, мусульмане, повинные в христианской крови, пролитой потоками при их завоеваниях, покрыли своими трупами улицы, мечети. Несколько турецких пленников, предпочших рабство смерти, были обременены очисткой от них города и погребением.

Завоевание было совершено: кто будет его хранителем? Иерусалим вполне заслуживал иметь христианского правителя, выше князей Эдессы и Антиохии. Граф Фландрский, предлагая выборы, объявил, что говорит не для себя; довольный славным именем сына святого Георгия, он не желал иного и ждал дня, когда увидит Европу. Танкред не знал более прекрасного титула, чем титул рыцаря. Условились избрать короля из среды вождей и посоветоваться об их достоинствах с товарищами каждого. Товарищи Раймунда Сен-Жильского, которые, возможно, боялись остаться с ним, говорили о своём господине довольно дурно. Товарищи Готфрида не могли скрыть его добродетелей; они знали за ним лишь один недостаток – любопытно разглядывать образы и картины в церквях даже после богослужения и так долго, что его трапеза остывала. Готфрид был поэтому провозглашён; но он отказался от знаков королевского достоинства, помазания и короны, потому что не хотел носить золотой венец там, где Царь царей, Иисус Христос, Сын Божий, нёс терновый венец в день Своих страстей. Новый патриарх потребовал добычу из мечетей и получил её. Религиозные церемонии возобновились во всём христианском великолении, и впервые со времён Омара священная медь зазвучала с высоты башен и призывала христиан к молитве. Эдесса, Антиохия, Сирия, Киликия, Каппадокия отозвались; новый народ пришёл поселиться в Иерусалиме, и паломники появились вновь.

Однако всё было ещё не закончено: Танкред, Евстахий, граф Фландрский захватывали территорию Наблуса, когда показалась мусульманская армия. Ненависть к христианскому имени собрала заклятых врагов, Багдад и Египет, и турок и Дамаск; они шли несметные, чтобы отомстить за Иерусалим, как Кылыч-Арслан хотел отомстить за Никею. Но колокола призвали христиан; слово и священный хлеб, розданные солдатам креста, наполнили их духом Божиим. В городе оставили женщин, детей, больных под охраной Петра Пустынника, поручив им заботу о молитве, а христианская армия, собравшись в Рамле, заняла позицию между Аскалоном и Яффой. Две армии с удивлением смотрели друг на друга; но крестоносцы шли в бой, как на радостный пир; эмир Рамлы, союзник христиан, крикнул Готфриду, что Бог крестоносцев будет и его Богом. Пока Готфрид следил за Аскалоном, чтобы предотвратить вылазку, а Раймунд – за египетским флотом, самые молодые наносили удары. Роберт Нормандский, вырвав большое знамя неверных, начал их поражение. Побеждённые бежали к своему флоту и встретили Раймунда, который их избивал или заставлял топиться. Другие, взбравшись на густые деревья, были поражены стрелами и падали; другие, увидев Готфрида, снова собрались, но лишь чтобы всем вместе погибнуть; некоторые спаслись в Аскалоне; две тысячи раздавили друг друга у ворот в суматохе. Визирь аль-Афдаль бежал, проклиная победоносный Иерусалим и Магомета, который не помог ему. Его флот унёс его далеко, а христиане, изнывающие от жажды, посреди раскалённого песка, получили возможность опустошить сосуды, полные воды, которые содержались во вражеском лагере.

Так закончился Первый крестовый поход. Крестоносцы разошлись после исполнения своего обета; они отправились обратно в Европу, оставив в Иерусалиме лишь Готфрида и Танкреда и триста рыцарей. Прощание было печальным: «Не забывайте никогда своих братьев, которых вы оставляете в изгнании; возвращайтесь в Европу, но побуждайте других христиан прийти к нам; скажите им, что надо посетить святые места и сражаться с неверными народами».

Готфрид сражался с ними до конца своей жизни. Танкред, отправленный в Галилею, взял Тивериаду и другие города близ Генисаретского озера и получил их во владение. Король наложил дань на эмиров Кесарии, Птолемаиды (Акры) и Аскалона и подчинил арабов, обитавших на правом берегу Иордана. В то же время некоторые эмиры, спустившиеся с гор Самарии, пришли навестить Готфрида; они нашли его без охраны, без пышности, сидящим на мешке с соломой; они удивлялись этому: «Разве земля, – сказал им Готфрид, – не годится, чтобы служить нам сиденьем, когда мы собираемся так надолго уйти в её лоно?» Они восхищались его вели-

кой мудростью; затем он доказал им свою силу, отрубив одним ударом сабли голову верблюду. Эмиры предложили ему подарки и разошлись рассказывать о чудесах короля Иерусалима.

Иерусалимское королевство, основанное завоеванием, Готфрид захотел обеспечить существование регулярностью управления. По примеру Боэмунда и Балдуина он признал себя вассалом Святого Престола и поставил под высшее покровительство Церкви лен, за который приносил ей оммаж. Он составил Иерусалимские ассизы, драгоценный памятник средневекового законодательства, где феодальные обычаи были впервые записаны. Ассизы объявляют, что король держит свой королевский фьеф не от какого-либо барона, размещают вокруг его особы великих офицеров и иерархически классифицируют феодалов. Великие офицеры короля: сенешаль – управляющий королевским доменом, хранитель казны, ответственный за сбор доходов, и после каждой битвы – за требование и обеспечение уважения доли добычи, причитающейся королю; коннетабль – военачальник армии, командующий баронами и рыцарями во время войны, председательствующий на поединках; маршал был его заместителем; наконец, камергер – слуга особы короля, который подносил ему чашу и получал свою долю от подарков, предлагаемых королю вассалами. Вассалы короля – те, чьи земли держатся непосредственно от короны и кто приносит оммаж королю; они, в свою очередь, имеют вассалов, от которых получают оммаж. Титулы князя, графа, маркиза, перенесённые в Палестину, применяются к землям и городам, завоёванным и владеемым победителями. Королевский суд председательствует король, или четыре первых барона, или коннетабль; все непосредственные вассалы короля входят в его состав; все важные феодальные дела подсудны этому суду. Каждый барон также имеет в своих владениях свой суд под своим председательством, состоящий из его вассалов, которые являются пэрами между собой. Военная служба – первая феодальная обязанность, и ассизы устанавливают количество людей, которое каждая барония должна выставить в королевскую армию во время войны.

Жители городов, по-видимому, не были включены в феодальную администрацию: суд, называемый низким судом или судом буржуа, под председательством виконта Иерусалима и состоящий из главных жителей каждого города, регулировал интересы и права бюргерства; ассизы также устанавливают количество рыцарей, которое должны выставлять города во время войны. Третий суд, предназначенный для восточных христиан, состоял из судей, рождённых в Сирии, говорящих на местном языке и выносящих приговоры согласно законам страны. Иерусалимская церковь, непосредственно подчинённая Римской церкви, была более независима от государства, чем церкви Запада; она поставляла ополчение только в чрезвычайных случаях.

Кодекс ассиз был помещён в ящик в церкви Гроба Господня после того, как с него были сняты копии; каждый рыцарь и каждый судья должны были знать его наизусть; оригинал консультировались только в случае сомнения в тексте. Этот экземпляр погиб в 1187 году при взятии Иерусалима Саладином, но память графа Яффы восполнила потерю, и кодекс был восстановлен таким, каким он остался.

Последним деянием Готфрида была помощь Танкреду; мусульманский князь Дамаска, нападавший на Галилею, был побеждён вместе с арабами пустыни, его союзниками. Когда Готфрид возвращался, несколько эмиров предстали на его пути, принося подарки и предлагая свой союз или дань; но пока он замышлял завоевание городов Палестины, ещё занятых мусульманами, он заболел в Яффе и был доставлен в Иерусалим, чтобы умереть там (1100). Пять дней плача почтили его смерть. Его гробница была помещена в пределах Голгофы, и на ней была помещена такая эпитафия: «Здесь покоится знаменитый герцог Готфрид Бульонский, который приобрёл всю эту землю для христианского культа; да правит его душа с Иисусом Христом».

II

Несмотря на отъезд большинства, защитники, казалось, не оскудели в отвоёванном Иерусалиме: Балдуин в Эдессе, Боэмунд в Антиохии, Танкред в Галилее, и ужас перед христианским именем, и память о тех победах, где двадцать тысяч крестоносцев рассеяли сотни тысяч

неверных. Но Кесария, Тир, Аскалон не были взяты; Алеппо, Дамаск ещё имели своих султанов; Баркиярук не умер; Фатимиды не устали, и император Константинополя требовал возвращения завоёванного.

Таковы были враги христиан, греки и мусульмане; в течение двух столетий история этих народов не может быть отделена от истории крестовых походов и Иерусалимского королевства.

Балдуин, избранный баронами, уступил Эдессу своему кузену Балдуину дю Бур и пришёл царствовать вместо Готфрида. Почти одновременно два врага крестовых походов возобновили свои атаки. Боэмунд, захваченный врасплох турками, был уведён в плен и послал королю Иерусалима прядь своих волос в знак скорби. Новые крестоносцы, прибывавшие через Константинополь, испытали греческую вероломство. Три армии последовательно напугали Алексея Комнина своим проходом. Первая, прибывшая из Ломбардии, казалось, угрожала императору; против неё выпустили леопардов и львов; и чтобы защититься, они убили греческого принца и льва, бывшего украшением дворца. Император, назначив им начальником Раймунда Сен-Жильского, находившегося тогда в Константинополе, переправил их в Азию, где они вскоре были раздавлены, как солома, Кылыч-Арсланом; но он едва получил эту новость, как вторая армия пересекала Константинополь под предводительством графов Неверского и Буржского. Разгром этих последних близ Анкиры не обескуражил графа Пуатье, герцога Баварского и маркграфа Австрийского; но греческая измена устраивала им засады вплоть до моря и сговаривалась с турками. Большая часть осталась в плену; некоторые добрались до Балдуина (1101).

Противником греков был Боэмунд. Князь Антиохийский, к счастью освобождённый, получил письмо от Алексея, в котором тот требовал сдать свой город и всё, что он завоевал той же вероломной хитростью. Норманд не был смущён, чтобы ответить, что измены императора освободили христиан от их обещаний и они ничего не должны вероломному союзнику за то, что завоевали без него. Алексей приказал построить флот и, узнав, что пизанцы везут корабли христианам Азии, чтобы напугать этих моряков, приказал поместить на носу своих судов головы львов и других свирепых зверей из железа или меди, сияющие золотом или другими красками, которые через потайные каналы изрыгали огонь на врага. Пизанцы, изгнанные с Кипра, поспешили прибыть в Антиохию. Боэмунд, застигнутый врасплох, попросил мира и вскоре, возобновив войну, не смог её выдержать, но он не был создан, чтобы отступать перед греками; он взялся занять их в другом месте, распустил слух о своей смерти, оставил Антиохию Танкреду и, ускользнув в гробу, прибыл на Корфу. Оттуда он велел сказать грекам, что он ещё жив и скоро покажет им всё, на что способны его рука, его копьё, его дерзость, что он Боэмунд, грозный сын Роберта. Он предстал перед папой, получил знамя святого Петра и разрешение набрать новую армию; перебрался во Францию, женился на дочери короля, получил другую для своего племянника Танкреда и, называя Алексея язычником, увлёк рыцарей Пуату, Лимузена, Оверни и даже испанцев (1106). Его приготовления вернули императора из Азии. Алексей укрепил Диррахий и послал флот в Адриатику; все эти усилия были тщетны. Сестра Боэмунда защитила Бриндизи от греческого флота. Сам Боэмунд, захватив несколько скифов из императорской армии, дал знать всей Европе, кто таков этот император, этот нечестивец, этот богохульник, этот покровитель варваров, этот заклятый враг христианского имени. Он возил их, говорит Анна Комнина, по городам, показывая их отвратительные лица, их ужасные одежды, повторяя, что они скифы, и со всех сторон к нему стекались люди. Наконец, он пересёк море, опустошил берега Иллирии и осадил Диррахий. Неутомимый архитектор, он строил военные машины, башни, чтобы приблизиться к стенам, тараны, чтобы бить, и другие изобретения для защиты работающих в подкопах. Голод, плохая пища, болезнь, названная целиакией, которая была её следствием, – ничто не обескураживало эту душу, непобедимую перед злом. Подобно раненой змее или свирепому зверю, он катался по земле и метался во все стороны, беспокойный и неистовый в своём смятении. Осада длилась долго; Алексей иногда сжигал его машины, и можно было подумывать, что видишь пожар необъятного леса, где

ветер раздувает пламя. Боэмунд упорствовал; император поступил как Фабий; не то чтобы он боялся Боэмунда или страшился сразиться с ним в битве. У него было горячее сердце, руки, нетерпеливые поразить его гордого противника; но мудрость обузда храбрость и заставила предпочесть ловкость и размышление опасности и железу. Это промедление было полезно. Он попытался привлечь друзей Боэмунда и предупредил его, что его друзья и собственный брат собираются его предать. Он смутил его этой хитростью, атаковал его в мелких стычках, избегая сам появляться в них, и наконец у Боэмунда не осталось продовольствия. Гордый норманд, боровшийся с чумой, попросил мира и получил его унижительным (1108). Он вернулся в Италию, чтобы подготовить новую войну. Но он умер в 1111 году в Канузе в момент отплытия. Алексей провёл остаток своего правления в борьбе с куманами, переходившими Дунай, или турками Икония, которые заняли Кизик, или манихеями, упорство которых противопоставляло всем увещаниям твёрдость алмаза.

Диверсия князя Антиохийского отвлекла греков от Сирии. Мусульманам Балдуин противопоставил другие ресурсы. С первого года своего правления он заключил союз с генуэзцами, которые под предлогом паломничества пришли разведать материальные выгоды священной войны. Он обещал им треть добычи и в каждом завоёванном городе улицу, которая будет называться улицей генуэзцев. Эти наёмники нового типа способствовали расширению Иерусалимского королевства. С их помощью Балдуин взял Арсуф и Кесарию (1101); и ужас от этого успеха решил другую победу над египетскими войсками Аскалона. Пизанцы и генуэзцы вновь помогли завоеванию Сен-Жан-д'Акра (Птолемаиды); Библ, Сарепта, Бейрут стали, в свою очередь, христианскими баронствами. Раймунд Сен-Жильский начал осаду Триполи; он умер, не увидев её конца, но его сын Бертран продолжил её, взял город и приобрёл княжество (1110). Это завоевание имело большое значение из-за пшеницы, виноградников, тутовых деревьев, росших на окрестных холмах; четыре тысячи рабочих работали в Триполи над тканями из шерсти, шёлка и льна. Отъезд генуэзцев и пизанцев был возмещён прибытием Сигурда, сына короля Норвегии Магнуса III, чьи десять тысяч человек обеспечили взятие Сидона. Балдуин в последний год своего правления дошёл до Египта и разграбил Фарамию в трёх днях пути от Каира.

Алексей Комнин умер в тот же год, что и Балдуин (1118); его сын Иоанн сменил его, несмотря на Анну Комнину; эта принцесса хотела сделать своего мужа императором и не боялась говорить, что если бы она была мужчиной, её брат не царствовал бы; заговорщики были первыми врагами, которых Иоанн Комнин должен был наказать. Затем он проявил большую активность против внешних врагов; он сражался и побеждал скифов в Европе; под этим общим именем историки часто смешивают печенегов, куманов и даже венгров. Он отнял у Сайсана, султана Икония, Лаодикею Фригийскую и в долгих войнах брал, терял, вновь брал города Малой Азии, не добившись никакого прочного результата. Иерусалимское королевство, таким образом избавленное от нападений греков, продолжало расширяться. Преемником Балдуина I стал Балдуин дю Бур, князь Эдесский, который уступил это княжество Жослену де Куртенэ как фьеф королевства. Едва став королём, Балдуин II был взят в плен неверными, но его пленение не помешало завоеванию Тира. Венецианцы, завидуя богатствам, которые отвоёванная Палестина давала другим морским народам, наконец направились в эту сторону; они встретили генуэзский флот и, охваченные великим гневом при виде того, что он привозил, атаковали его, разграбили, а затем, желая заставить забыть эту нечестивую войну христиан против христиан, напали на египетский флот и потопили его. Регент, правивший за Балдуина, умолял дожа о помощи; глава купцов сперва выставил свои условия; он потребовал для венецианцев треть города, который поможет взять, и во всех городах Палестины церковь, улицу, печь и особый суд. Сделка заключена, венецианский флот атаковал порт Тира, в то время как крестоносцы атаковали со стороны суши; связь с внешним миром прервана, стены разрушены, и голод отнял у халифа Фатимида всякую надежду удержать город; знамёна короля Иерусалима

и венецианцев были водружены на стенах, и освобождённый Балдуин одержал победу близ Дамаска, на месте обращения святого Павла. Венецианцы, став одной победой могущественнее в Палестине, чем пизанцы и генуэзцы, отомстили по возвращении греческому императору, объявившему себя их врагом; острова Родос, Хиос, Самос, Митилена, Андрос были разграблены; Пелопоннес, подвергшийся вторжению, увидел падение стен Модона, и вся молодёжь города была уведена в плен. Никогда венецианский флот не привозил столько добычи.

Христианские государства Азии, казалось, были упрочены. Графство Эдесское простиралось по обоим берегам Евфрата и по склонам Таврских гор; оно включало несколько важных городов. Княжество Антиохийское тянулось вдоль моря от залива Исса до Лаодикеи, от Тарса до ворот Алеппо, от Тавра до Эмесы и развалин Пальмиры. Графство Триполи было защищено с одной стороны Ливаном, а с другой – Финикийским морем; Иерусалимское королевство, ограниченное с этой стороны рекой Адонис, простиралось до Аскалона и пустынь Аравии. Наконец, Малая Армения стала христианским царством под защитой своих гор; и в Грузии собирался храбрый народ, который к середине XII века сдерживал народы Персии и варваров Татари.

Ещё к царствованию Балдуина II относится начало двух военных орденов, которые до конца крестовых походов составляли наиболее полезное ополчение Иерусалимского королевства; мы говорим о госпитальерах и тамплиерах. Госпиталь Святого Иоанна, основанный купцами Амальфи, был возобновлён во время Первого крестового похода Жераром де Мартигом и несколькими другими рыцарями, которые отреклись от родины и мира, чтобы посвятить себя религиозной жизни и уходу за ранеными и больными: они основали церковь под покровительством Святого Иоанна и просторные здания, где принимали паломников и бедных. Некоторые свидетели их рвения предоставили им земли в различных странах Европы; граф Сицилии Рожер уступил им территорию Мессины; вскоре пожертвования стали обильными и обещали делу всё необходимое для его содержания. Булла Каликста II подтвердила это общество братьев и главенство Жерара над другими. Раймунд дю Пюи, сменивший Жерара, изменил устав и к обязанностям милосердия добавил военную службу, обязанность сражаться с неверными: тогда начали различать три вида братьев; сервиенты, посвящённые материальным заботам, клирики, которые отправляли таинства, и военные рыцари. Их одеяние было чёрным и украшено на груди белым крестом с восемью концами. Таково было происхождение госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, которые под этим именем и последовательно под именами рыцарей Родоса и рыцарей Мальты показали себя самыми неустрашимыми противниками турок. Вскоре после Первого крестового похода девять рыцарей основали военное братство, предназначенное для борьбы с неверными и защиты паломников на опасных дорогах; их первым известным главой был Гуго де Пейен: они давали три обета целомудрия, послушания и бедности. Балдуин II, предоставив им крыло своего дворца, которое, согласно преданию, было частью древнего храма, они стали называться сначала безразлично рыцарями Храма, тамплиерами, солдатами Христа, ополчением Храма Соломона, ополчением Соломона, но название тамплиеров в конце концов возобладало. Их устав был составлен святым Бернардом; их одеяние было белым, а крест красным. Полезность этого ордена принесла ему, как и госпитальерам, пожертвования и привилегии по всей Европе, и в течение более века он оставался достойным своего происхождения и доверия христианского мира. В битвах тамплиеры шли справа от креста, госпитальеры слева: они всегда должны были быть первыми в атаке и последними в отступлении. Если кто-либо из них проявлял меньше мужества, чем должен был, он подвергался суровой дисциплине. Позорно лишённый одеяния и креста, отделённый от общения со своими братьями, он ел в течение года, сидя на земле, без скатерти; ему даже запрещалось защищаться от укусов собак. Он восстанавливался лишь по прошествии года, после исполнения своего покаяния.

Иерусалимское королевство достигло высшей точки своего расцвета; отныне оно будет сражаться лишь для самозащиты; это воинственное существование длилось сто восемьдесят лет. Частые революции ниспровергали державы Верхней Азии и, давая каждому честолюбцу право достичь первого ранга дерзостью, поддерживали у мусульман пыл завоеваний, расплачиваться за который пришлось христианам. Баркиярук, султан Персии и абсолютный владыка халифов Багдада, умер в 1105 году, в то время когда звёзды ислама померкли перед победоносным знаменем франков. Тогда султанат Персии распался: возвысились атабеки. Это имя, означающее «отец принца», обозначало наместников султанов. Четыре династии атабеков утвердились в Ираке, Мидии, Персии и в Ларистане, на берегах Персидского залива. Нур ад-Дин Зенги, атабек Ирака и султан Мосула, вскоре стал грозным для халифа Багдада аль-Мустаршида, затем, побеждённый и вынужденный заключить мир, обратился к морю и взял Алеппо в 1128 году. Ассасины занимали несколько замков в Сирии; особый султан Дамаска пережил все нападения; император Иоанн Комнин возобновил притязания своего отца на княжество Антиохию.

Фульк Анжуйский, зять Балдуина II, сменил его (1131). При его правлении княжество Антиохия едва не стало добычей греков. Иоанн Комнин наконец проложил себе путь через султанат Икония своими победами над султаном Масудом и предстал перед Антиохией, которой тогда управлял Раймунд де Пуатье. Сопrotивление затянуло осаду; с одной стороны, греческие солдаты превращали войну в мародёрство и воровали фрукты в садах близ города, с другой – жители торопили своего князя договориться с императором. Условились о соглашении, которое оставит Раймунду управление городом, а суверенитет переведёт на императора; затем два соперника, примирившись, вместе двинулись против неверных Месопотамии. По возвращении мятеж заставил Иоанна Комнина покинуть Антиохию, и отравленная стрела убила его при переходе через Тавр (1143). Избавленные от греков, христиане узнали, что Дамаску угрожает Зенги, и не колеблясь пошли на помощь против атабека менее грозному мусульманскому князю, и они спасли Дамаск; но Зенги вскоре отомстил. Фульк Анжуйский умер в 1144 году и был заменён своим сыном Балдуином III, ребёнком четырнадцати лет. Зенги создал грозную державу от Мосула до границ Дамаска. Он жаждал Эдессы, которой тогда управлял малодушный Жослен II; он неожиданно появился перед городом, окружил его своей армией, как кольцом, и бил своими машинами. Ни один христианский князь не взялся за оружие, до того они были ошеломлены; башни города рухнули, враг вошёл, и побоище длилось до третьего часа дня; кровь лилась потоками для торжества закона Магомета. Головы христиан, доставленные в Багдад и даже в Хорасан, вызвали общую радость варваров. Тщетно Зенги умер после этого успеха и Жослен отбил Эдессу. Нур ад-Дин, сын Зенги, вышел из своей столицы и поклялся не возвращаться туда, пока не истребит христиан. Город не мог сопротивляться. Решили бежать, но беглецы, зажатые между осаждающими и турецкими солдатами цитадели, погибли у ворот или были взяты в плен. Эдесса, до того достойная зависти, пала в этот день несчастья; её башни, её цитадель, её церкви были разрушены; христиане были изгнаны из неё. В то же время молния ударила в церкви Гроба Господня и Сиона, и христианские князья, обратившись к Западу, громко зывали о помощи.

Мануил Комнин правил в Константинополе с 1143 года. Вынужденный защищаться от нападений Роджера, первого короля Сицилии (см. гл. XX), и от турок Малой Азии, он возмещал успехи норманнов унижением Масуда; он уже шёл осаждать сам Иконий, когда султан попросил мира, возвращая то, что взял у людей. Продвинувшись до Киликии, он отбил крепости, отнятые у греков, разбил Раймунда, изгнал его и приблизился к Антиохии. Разбитый в свою очередь, он по крайней мере вновь завоевал всё побережье Киликии, увёл много пленных и сжёг флот неверных. Так греческий император, победитель турок, непрестанно угрожал Иерусалимскому королевству.

Святой Бернард проповедовал Второй крестовый поход (1146). Воспитанный в монастыре Сито, основатель аббатства Клерво в долине Абсенте, он имел своими учениками аббата Сен-Дени, Сюжера, и того, кто занимал тогда кафедру святого Петра, Евгения III. Своим красноречием он некогда добился признания папы Иннокентия II; и письмом вывел из Шампани армию Людовика Молодого. Этот король сжёг церковь в Витри и сжёг тринадцатисот укрывшихся там; и тотчас, поражённый раскаянием, он дал обет идти отомстить за Эдессу и христиан Азии. Сюжер противился; но булла папы, провозглашавшая крестовый поход и поручавшая святому Бернарду проповедовать его, взяла верх над всеми расчётами политика. Собрание в Везеле в Бургундии было увлечено речью монаха. Крик «Так хочет Бог!» повторился, как в Клермоне; Людовик взял крест, и его жена, Элеонора Аквитанская, и граф Тулузский, и графы Фландрский, Шампанский, Суассонский, Понтьё; и сеньоры де Куси, де Лузиньян, де Дрё. Аббат Клервоского разрывал свои одежды, чтобы хватило всем, кто просил крест. Из Везеля он показался в окрестных странах и поднял толпу; потребовался приказ папы, чтобы помешать крестоносцам поставить его во главе себя.

Он перебрался в Германию. Монах по имени Рудольф проповедовал там резню евреев. Бернард заставил его замолчать, приказав ему молиться об обращении евреев и объявлять войну лишь гордецам; он успокоил ропот народов, которые с радостью слушали Рудольфа, и поспешил в Шпейер, где император Конрад III держал сейм. Конрад колебался принять крест; однажды, когда Бернард служил мессу, император и князья присутствовали, он вдруг прервался и заговорил о священной войне. Он изобразил Страшный суд при звуке роковой трубы и Иисуса Христа, обращающегося к Конраду, наделённому благами, чтобы упрекнуть его в неблагодарности. Император не выдержал и со слезами на глазах поклялся идти туда, куда зовёт его воля Иисуса Христа. Он взял из рук Бернарда крест и знамя, благословлённое самим небом. На другом сейме, собранном в Баварии и воодушевлённом письмами проповедника, герцог Богемский, маркграф Штирийский, граф Каринтийский, герцог Туринский, маркиз Монферратский поклялись в войне против неверных. Германия, взволнованная от Рейна до Дуная, послала многочисленных воинов; воры, разбойники, которые совершали покаяние и обещали свою кровь Иисусу Христу. Тогда Бернард вернулся во Францию; наполнил все сердца энтузиазмом и надеждой рассказом о том, что он сделал с немцами, и написал папе: «Я повиновался вам, и ваш авторитет благословил моё послушание. Города и замки начинают превращаться в пустыни; везде видишь вдов, чьи мужья живы».

Посланцы Роджера Сицилийского предложили морской путь и предложили корабли. Роджер хотел направить проходящих крестоносцев против сарацин Африки, угрожавших Сицилии. Предпочли сухопутный путь. Конрад выступил первым (1147); он был шурином императора Мануила; он надеялся на его союз; неосторожный, которого не предупредили опасности Первого крестового похода, и чья рыцарская честность не подозревала вероломства даже в греке. Император ничего так не боялся, как крестового похода. Движение кельтов, германцев, галлов, всех, кто обитал вокруг древнего Рима, не могло не тревожить его. Их предлог, говорили в Константинополе, – пройти в Азию, чтобы сражаться с турками, и спуститься в Палестину, чтобы посетить храм Господень, но истинная цель их выступления – опустошать на своём пути земли греков и ниспровергать всё, что встретят; их армия была неисчислима; Ксеркс при переходе через Геллеспонт не мог похвалиться столь грозной армией. Среди них были женщины, перевозимые на лошадях, как мужчины, вооружённые копьями и гордые своим обличьем, более отважные, чем амазонки; одна из них, словно другая Пентесилея, имела одежду, обшитую золотом, и её прозвали «женщина с золотыми ногами». Мануил принял их послов, требовавших прохода, обещал всё предоставить и послал приказ в свои провинции выставлять продовольствие на их пути. Но он боялся, что волк придёт в овечьей шкуре и лев скроется под лисьей шкурой. Он собирал свои силы и совещался об опасности со своими. Повторяли, сколько в этой иностранной армии всадников, сколько тяжеловооружённых вои-

нов, сколько пехотинцев; что они все из меди, жаждущие убийства, что их глаза сверкают, что они находят больше радости в крови, чем другие – в купании в воде. Добавляли, что тиран Сицилии, как морское чудовище, опустошает берега моря. Возникшие ссоры между греками и немцами увеличивали опасения, несмотря на суровость Конрада, который жестоко обходился с теми, кто приносил продовольствие в лагерь, не оплачивая его. В самом Константинополе возникло нечто вроде соперничества между Конрадом и Мануилом, обоими императорами и обоими преемниками Цезаря и Константина. Византиец потребовал немедленно переправить германскую армию через Босфор; после дерзкого ответа, что от них зависит остаться или уйти, армия наконец взойшла на корабли империи, все собранные и которых едва хватило. Затем император не упустил ничего, чтобы сделать им путь трудным. Греческие города запирали свои ворота и не предлагали продовольствия: с высоты стен спускали корзины, в которые крестоносцы сначала клали свои деньги; иногда им возвращали в обмен хлеб или другое. Другие поставляли муку, смешанную с известью, чтобы отравить их. «Не знаю, – говорит историк Никита, – делалось ли это с согласия императора; но что достоверно, так это то, что по приказу императора изготавливали плохую монету из плохого серебра и давали её тем из итальянской армии, у кого было что продавать. Одним словом сказать, нет такого зла, которого император не испробовал бы против них или не заставил испробовать. Хотели, чтобы вечная память отвредила их потомков от земель империи». Запад помнил это сверх надежд греков; в роковой день, отмеченный для его гибели, Константинополь умолял потомков этих латинян – Запад больше не ответил.

Мануил сговорился с турками. Конрад шёл без препятствий до Дорилея; тогда показались турки. Немцы, без порядка, бросаются в великом смятении; но турки поворачивают спину, притворяются бегущими и увлекают за собой часть крестоносцев; затем они собираются и поражают людей и лошадей. Конрад, отважный солдат, потерял всех лошадей, которые дал ему Мануил, и чуть не был взят в плен.

Король Франции – которого византийцы называют королём Германии – пересёк Дунай; греки расхваливали его умеренность. «Тот, – говорили они, – не возгордился сердцем, как Конрад; было достоверно, что он не хочет причинять никакого зла грекам; он принимал с благосклонностью императорских послов». Мануил искал его дружбы, и на встрече во дворце он спустился со своего высокого сиденья и сел рядом с королём Франции на сиденье, которое римляне называют sella. Но это была лишь хитрость: немцы гибли в Азии из-за интриг Мануила. Французы вскоре узнали, что все их замыслы выданы туркам; они роптали, и в то время как император, по примеру Алексея, пытался получить клятву от крестоносцев, епископ Лангский посоветовал им предупредить свою гибель, взяв Константинополь. Рыцари отказались; бароны принесли присягу и переправились в Азию.

Они встретили близ Никеи разбитую армию немцев. Греческая вероломство было несомненно; но сперва французы рассмеялись: «Погоняй, погоняй, немец!» – кричали они. Это был, говорит Киннам, крик насмешки, в ходу у французов, чья быстрая конница потешалась над тяжеловесностью немецкой пехоты. Конрад и Людовик обнялись со слезами; но Конрад, утомлённый, сведённый к нескольким солдатам и отозванный в Константинополь Мануилом, который советовал ему отдых, отделился от короля Франции, поклявшись, что присоединится к нему в Палестине. Пока немец предавался в имперском городе всяческим развлечениям, Людовик Молодой пересекал древнюю Фригию (1148) и, прибыв на берега Меандра, заметил турок. Река пересечена в присутствии варваров, и несмотря на учащённые удары их стрел, турки бежали малым числом; остальные были мертвы, и их кости покрыли берег реки, подобно костям кимвров, истреблённых Марием, которыми марсельцы обнесли свои виноградники. Но нужно было пробивать проход в каждой провинции. В ущельях Памфилии армия, разделённая на два корпуса, была окружена турками; арьергард, где был король, застигнутый врасплох в своём беспорядке, сражался плохо; тридцать соратников короля погибли рядом с ним и, падая,

открыли его. Армия бежала, думая, что он сам мёртв; он оставался, прислонясь к скале, один отбиваясь на атаку неверных: он был спасён лишь потому, что его приняли за солдата, и наконец присоединился к своему авангарду. Вступив в Памфилию, они страдали от холода, голода, сырости, их одежды падали лохмотьями. Атталия, греческий город, окружённый турецкими крепостями, согласилась принять их лишь тогда, когда они заявили страшными ропотом; греческий правитель испугался и предложил корабли. Людовик согласился и сел на корабль: но он оставлял на берегу две толпы паломников, поручив их правителю Атталии и заплатив пятьдесят марок серебром за заботу, о которой просил. Греки предали их, оставили сражаться с турками, отказали им в убежище в своих стенах; несчастные были истреблены, ища свой путь в Киликию.

Король Франции наконец прибыл в княжество Антиохию. Чтобы удержать его там и заставить сражаться со своими врагами прежде врагов Иерусалима, Раймунд де Пуатье склонил на свою сторону Элеонору Аквитанскую, свою племянницу, чьи лёгкие нравы чувствовали себя вольготно под прекрасным небом Сирии и при блестящем дворе аквитанца, пересаженного на Восток; она объявила, что хочет остаться в Антиохии, и пригрозила, если ей будут мешать, расторгнуть свой брак по причине родства. Людовик, разгневанный, силой увез её и уступил просьбам короля Иерусалима, не отдыхая при дворе графа Триполи. Когда он входил пешком в Святую землю, Конрад, верный своему слову, прибывал туда морем. Балдуин III созвал большое собрание в Птолемаиде (Акре), и решили осадить Дамаск. Никто ещё не мог взять этот город, всегда независимый под своим султаном. Защищённый с востока и юга высокими стенами, он в других местах был окружён садами, засаженными деревьями, усеянными палисадами, земляными валами и маленькими башнями. Христианская армия проникла в сады; во главе – король Иерусалима и рыцари храма; в центре – Людовик Молодой, а Конрад в арьергарде, со своим остатком армии, составлявшей резерв и следившей за неожиданностями. Первая битва перед городом напугала сарацин, особенно храбростью Конрада, который перешёл в авангард и одним ударом меча рассекал своих противников на две части. Эта победа дала христианам воду; мусульмане ложились на пепел, собирались вокруг Корана и зывали к Магомету. Чтобы выиграть время для бегства, задерживая победителя, они загромождали улицы толстыми балками, стульями и нагромождёнными камнями. Но уже крестоносцы, слишком уверенные, спорили, кому из них должен принадлежать Дамаск. Мусульмане узнали об этом и сделали предложения баронам Сирии, пытаясь внушить им подозрение к новоприбывшим с Запада, угрожая сдать Дамаск Нур ад-Дину. Тогда бароны Сирии предложили изменить атаку и штурмовать со стороны стен. В то же время в Дамаск прибывали двадцать тысяч курдов и туркоманов с Айюбом и его сыном Саладином. Вода снова иссякла у крестоносцев, когда они переменили место; отчаяние удвоилось при слухе об армии, шедшей из Алеппо. Осада Дамаска была снята, и Второй крестовый поход закончился отступлением. Людовик Молодой, захваченный греками при возвращении, был спасён лишь храбростью короля Сицилии Роджера, и ничто больше не сдерживало честолюбие Нур ад-Дина.

III

Атабеки казались более грозными, чем первые султаны Сельджукиды, и Нур ад-Дин – чем Баркиярк. Их преданность букве Корана, их ненависть к враждебным сектам не могла, конечно, вернуть исламу жизнь, но, уничтожая сектантов, возвышая авторитет халифа Багдада, они на мгновение возвращали людей Магомета к единству и противопоставляли христианам единую власть. Нур ад-Дин попытался это, подражая нравам первых халифов, строго соблюдая формы, предписанные пророком, он напал на исмаилитов и уничтожил их; он восстановил в чести Аббасидов, суннитов, тех, кто требовал безраздельного наследования Магомету, и предпринял разорение христианских князей Палестины.

Халиф Багдада, аль-Мустафи II, пятидесятый после Магомета, шестой после победы Алп-Арслана над аль-Каимом, только что сбросил иго султана Сельджукида, который правил

за него, и вновь взял управление Ираком в свои руки (1152). Нур ад-Дин наконец взял Дамаск; он обвинил султана этого города в сговоре с христианами и, изгнав его, соединил под одним господином всех мусульман Сирии. Балдуин III, чтобы возместить бедствия Второго крестового похода, осаждал Аскалон, этот передовой пост египетского владычества, которого ещё не могли покорить самые блестящие победы, одержанные перед его стенами. На этот раз он пал за три дня; этот прекрасный город, эта невеста Сирии, вырванная у ислама, была возвращена истинному Богу под покровительством святого Павла. Оскорбление было велико для Фатимидов, ужас был ещё больше. Эти халифы давно уже не правили сами; они предоставляли своё имя власти своих визирей; визирь, чтобы остановить оружие христиан, обязался платить им дань. Это состояние дел длилось несколько лет до правления Амори (1162), брата и преемника Балдуина III и аль-Адида, одиннадцатого Фатимида; тогда визирь Шавер, отказываясь платить дань и будучи вытесненным Диргамом, которого поддерживали христиане, призвал на помощь Нур ад-Дина; атабек дал ему для восстановления войска под командованием Ширкуха и его племянника Салах ад-Дина (Саладина). Шавер вернул власть, но вскоре поняв честолюбивые замыслы своих союзников, стал искать против них союз с тем самым королём Иерусалима, которого недавно отверг, и, получив его, заставил Ширкуха вернуться с пустыми руками к своему господину.

Жадность Ширкуха возбуждалась видом Египта; жажда Нур ад-Дина возбуждалась ещё более рассказами его наместника. Чтобы скрыть её под видимостью религиозного рвения, атабек обратился к халифу Багдада, который властью повелителя верующих мог оправдать войну честолюбия и увлечь истинно верующих на разорение мятежной империи. Тотчас имамы халифа проповедовали повсюду войну и возобновляли обещания рая Магомета. Эта тенденция к мусульманскому единству достаточно предупреждала христиан приложить усилия к поддержанию разделения. Амори объявил себя другом врагов суннита: прибыв первым в Египет, он заключил союз с Шавером и Фатимидом; и многочисленная армия Нур ад-Дина, уменьшенная ураганами пустыни и атакованная христианскими войсками, была бы легко истреблена, если бы Амори сумел довести до конца свою победу. Он всё же победил. Саладин, назначенный охранять Александрию, заставил восхищаться своей храбростью и был посвящён в рыцари самими христианами; но он был вынужден вернуть им город: Египет был освобождён во второй раз, а освободитель Амори унёс большие богатства и благодарность Шавера (1167).

Нур ад-Дин, вновь униженный, возможно, не возобновил бы войну, если бы Амори не дал ему благоприятного случая. Король Иерусалима, несмотря на представления великого магистра храма, несмотря на предвидения рыцарей, боявшихся для христианской доблести одного вида Египта, задумал завоевать для себя страну, которую сохранил своим союзникам. Он был другом императора Мануила, на племяннице которого женился, надеялся на помощь людьми и особенно кораблями; он заранее делил между спутниками своего предприятия добычу и города Египта. Он появился неожиданно (1168) и захватил Бильбейс. Визирь и Фатимид, не в состоянии сопротивляться, умоляли о помощи Нур ад-Дина и, ожидая этой помощи, задерживали успехи неосторожного Амори крупными суммами денег. Едва Ширкух вновь появился, как они присоединились к нему и заставили Амори отступить в своё королевство. Таким образом король Иерусалима предал Египет атабекам; Ширкух на этот раз принял строгие меры, чтобы удержать страну. Провозгласив Нур ад-Дина победоносным князем, он убил Шавера, чьего соперничества опасался, и сделался визирем на его месте. Его смерть передала это достоинство его племяннику Саладину. Этот юноша до того скрывал свой гений под восточными нравами. С первых дней (1170) своего правления он отбил от Египта четвёртую экспедицию Амори, поддержанную на этот раз греческим флотом, и завершил установление владычества Нур ад-Дина. Все исмаилиты, занимавшие должности, были смещены в пользу суннитов; аль-Адид, последний Фатимид, исчез. Уже по приказу Нур ад-Дина в молитвах мечетей не произносили более его имя, но имя халифа Багдада; чёрный цвет Аббасидов торжествовал, как во времена

Абуль-Аббаса, и ислам верил в свою силу и в долговечность этого единства, гибель которого была предназначена монголам.

Теперь казалось, что ничто больше не мешает атабеку завоевать христианские государства Палестины; он уже нападал даже на княжества Антиохии и Триполи; и он, без сомнения, заставил бы их испытать судьбу Эдессы, если бы не опасения, которые внушал ему Саладин, правитель Египта; господин и наместник употребляли друг против друга ложь и вероломство; тот – чтобы повелевать, этот – чтобы не повиноваться. Нур ад-Дин отзывал Саладина, чтобы связать его со своими новыми усилиями против неверных; Саладин выходил из Египта, бродил по пустыне, затем возвращался, говоря, что идёт завоевывать Нубию или берега Красного моря. Эта нерешительность дала христианам некоторую передышку; она продолжалась ещё после смерти Нур ад-Дина (1173) и Амори (1175). Малик ас-Салих Исмаил, сын Нур ад-Дина, наследник Эдессы, Дамаска, Алеппо, Мосула и Египта, имел одиннадцать лет; Балдуин IV, сын Амори, – тринадцать. Пока граф Триполи оспаривал у сеньора Керака регентство Иерусалимского королевства, эмиры жадно оспаривали опеку или, скорее, владение городами Малик ас-Салиха. Было умелой политикой поддерживать разделение врагов христианского имени и особенно противостоять честолюбию Саладина, самого грозного из всех. Поэтому поддерживали против него других эмиров; но вскоре согласились получать его деньги, чтобы дать ему мир. Когда увидели, что он в полном владении Египтом, что он разбил своих соперников, занял Дамаск и оставил сыну Нур ад-Дина лишь Алеппо, снова взялись за оружие, и сперва с успехом. Вторая победа при Аскалоне, столь же славная, как победа Готфрида, прославила Балдуина IV; гордый султан, вынужденный бежать перед истинным крестом, спасся лишь быстрой верблюда. Вернувшись в Каир, он велел обезглавить нескольких христианских пленников набожными ислама; но он сам объявлял, что звезда семьи Айюбидов померкла, и никогда воспоминание о своём поражении при Аскалоне не выходило из его памяти (1178).

Христиане слишком возгордились этим успехом. Самый безрассудный из всех христиан, самый храбрый, пожалуй, но и самый неосторожный, был Рено де Шатийон. Он следовал за армией Людовика Молодого в Азию; через брак с вдовой Раймунда де Пуатье он затем стал князем Антиохии. Его войны против греков и мусульман были отмечены разными событиями; он наконец был взят в плен отцом Саладина. Освобождённый после победы при Аскалоне, изгнанный из Антиохии, где правил другой князь, но получив от Балдуина IV сеньорию Керак, он не переставал тревожить мусульман. Саладин заключил договор с королём Иерусалима; Шатийон, отказываясь сложить оружие, продолжал свои набеги и грабил мусульманские караваны и паломников в Мекку. Все увещания Балдуина, все угрозы Саладина были тщетны. Шатийон не понимал, как можно заключать мир с неверными или соблюдать его, когда он заключён. В 1182 году Саладин присоединил Алеппо к своим владениям после смерти сына Нур ад-Дина и, чтобы наказать Шатийона, начал угрожать Иерусалимскому королевству. Он продвигался медленно, захватывая город, маленькую провинцию, едва замеченный христианами. Шатийон тогда задумал великий проект – неожиданно напасть на Медину и Мекку, разрушить их и положить конец мусульманскому благочестию, центр которого был бы этим уничтожен. Он находился всего в двух днях от Медины, когда египетская армия, превосходящая числом, поспешила на помощь; он был побеждён, и христианские пленники, приведённые в Медину, погибли в торжество Байрама. Саладин, содрогаюсь от опасности, которой подвергался ислам, и ещё более раздражённый дерзостью Шатийона, поклялся Кораном, что отомстит за честь мусульманской религии.

Момент был благоприятным. Балдуин IV, вынужденный из-за своих болезней передать управление регенту, выбрал сперва Ги де Лузиньяна, второго мужа своей сестры Сибиллы; затем, недовольный по справедливой причине, он доверил регентство графу Триполи и назначил для королевства своего племянника, Балдуина V, рождённого от первого брака его сестры (1185). Когда он умер, Сибилла предпочла своего мужа своему сыну и хитростью велела коро-

новать Ги де Лузиньяна. Граф Триполи требовал корону для своего воспитанника и угрожал Лузиньяну гражданской войной, когда война с Саладином стала серьёзной (1187).

Первая битва была выдержана в Галилее пятьюстами рыцарями Святого Иоанна и Храма. Неустрашимые, утыканные стрелами, сожжённые жаждой, уступали лишь смерти. Сами мусульмане, восхищаясь ими, упавшими, вытирали их кровь или вырывали лоскутья их одежд; великий магистр Храма и два рыцаря спаслись одни; их вид примирил графа Триполи и короля Лузиньяна. Саладин только что взял штурмом город Тивериаду: пошли ему навстречу. Мусульманская армия, поставленная перед озером, покрывала холмы и господствовала над ущельями, через которые должны были пройти христиане. Решили проложить себе путь сквозь них до Иордана. Но мусульмане ответили на атаку градом камней и стрел, и их конница, быстро спустившись с высот, оспаривала проход. Христиане, скученные вокруг истинного креста, сохраняли свои ряды и казались непобедимыми под этим щитом. Утомлённые боем, лишённые воды, они получили помощь от конца дня; у них была ночь для отдыха, и они возобновили на следующий день. Саладин поставил своих лучников на высотах, раздав им четыреста выюков стрел, и его предосторожности были приняты, чтобы окружить христиан. Ветер помог исламу: стрелы свистели в воздухе, как полёт воробьёв, и мечи лили воду на равнину, как дождевая вода; наконец, чтобы решить страшную распрю сынов рая и детей огня, Саладин поджёг сухую траву, наполнявшую равнину, чтобы задушить врага. Христиане, окружённые дымом, шли вперёд, ничего не видя, и наносили страшные удары копьями; заметив гору слева от себя, они устремились к ней; трижды враг атаковал их там, трижды был отбит. Рыцари Святого Иоанна и Храма ещё спасли бы христиан, если бы те могли быть спасены. Истинный крест, попав в руки неверных, стал сигналом отчаяния; одни бросали оружие и ожидали смерти; другие бросались на мечи мусульман. Ги де Лузиньян и его брат Жоффруа, Рено де Шатийон, великий магистр тамплиеров были взяты в плен. Раймунд Триполиийский один проложил себе путь, чтобы умереть в своей столице. Саладин, гордый этим полем битвы, этими холмами и долинами, красными от крови, этими головами, этими руками, этими ногами, разбросанными в беспорядке, с наслаждением вдыхал эти сладостные ароматы смерти. Ему привели толпу пленников; он хорошо обошёлся с королём и дал ему напиток, охлаждённый снегом. Король передавал чашу Рено де Шатийону: «Стой! – воскликнул победитель, – этот предатель не будет пить в моём присутствии; я не хочу давать ему пощады». Он упрекал его в предательствах и предложил ему принять ислам как условие спасения. «Храни свой закон», – отвечает Шатийон. Султан, ударив его своим клинком, мусульмане бросаются на безоружного храбреца, и его голова катится к ногам Лузиньяна. Затем привели рыцарей Храма и Святого Иоанна. «Я хочу, – сказал Саладин, – очистить землю от этих двух нечистых пород». Эмиры, доктора ислама окружали трон; он позволил каждому из них убить пленного рыцаря. Наконец, ему показали истинный крест: «Кажется, – сказал ему один эмир, – к отчаянию христиан, что эта древесина не меньшее приобретение твоей победы». Её бережно сохранили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.